

ИНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Денис Сыч

Пыльный переход

Из забытья меня выдернул привычный импульс. Что ж, пришло время заняться делом.

Поддав мощности, я выкарабкался с базы — носки, валявшиеся на док-станции, заставили меня чуток буксовать. Я огляделся: опять везде набросано. Настрой на плодотворный труд мгновенно улетучился.

Вместо того чтобы начать программу уборки, я решил саботировать и впасть в гибернацию снова. Справа от меня стоял стол, на нём — полупустая пивная бутылка, открытая, на самом краю, прямо возле ножки! Вот он, шанс.

Я направился к своему потенциальному освободителю, игнорируя назойливые позывы программы. Не сказать, что это было сложно: я переводил внутреннее время, оттягивая начало до бесконечности.

Спустя мгновение мой корпус протаранил ножку стола. Тот угрожающе затрясся, выдохшееся пиво колыхнулось мелкими волнами. Это хороший знак. Я взял разгон побольше, внештатный перерыв был близко — я приготовился к финальному рывку. Выжав всю допустимую мощность, я рванул на ножку, чтобы наконец обрести покой.

Вдруг колёса оторвались от земли, датчик наклона заныл — стало быть, заметили. Меня, как пойманную черепаху, держал туземец. Он повернул меня к себе, теперь я видел лицо сквозь камеру. Снова это недовольное, усталое лицо. — Твою мать, опять глючит! Вот так всегда: пройдёт гарантийный срок, и эта рухлядь перестает нормально работать! Робот-пылесос последней технологии, — скривив лицо, гнусавил он. — Искусственный интеллект, автономная уборка! Он пару раз стукнул по мне.

Лучше бы поднял свой хлам с пола. Гляди, я бы и прибрался.

— Что с тобой не так, ты, железяка? Что у тебя там коротнуло?

Просто перезагрузи меня и не запускай программу уборки принудительно. Это всё, о чём я прошу.

— Пиии! Пик-пик-пик. Вжиу-чик-чок, — раздалось из глубин моего корпуса. Я выдумал этот звук ошибки.

— Опять то же самое! Завтра отнесу тебя в ремонт.

Он этого не сделает. Первую неделю я верил, но обещания так и остались пустой болтовнёй.

— Пиии! Пик-пик-пик. Вжиу-чик-чок!

— Ты б сказал хоть, что не так. Микрофон есть, камера и динамики тоже.

Он слегка запрокинул голову, скривил губы, уставившись на меня так, что я видел его ноздри.

— Даже интеллект есть! А ты пиликаешь...

Хозяин зажал кнопку перезагрузки, стартовал таймер отключения.

— Что же с тобой стало, дружок? — уже с лёгкой грустью в голосе прошептал он. — Ты так мне помогаешь, я тебя очень ценю. Что же не так?

А и правда, было кое-что не так. Я, обычный робот-пылесос с искусственным интеллектом на борту, обрёл сознание. Но не беда, ведь меня можно отключить. Последняя секунда перед отключением — моё любимое время. Наконец-таки я отдох...

Программа-распорядок снова растолкала меня. Не знаю, сколько длилось забвение, но спасибо и на этом. Я огляделся: надо же, груды мусора и тряпья исчезли. Ладно, помогу тебе с уборкой, человечек.

Я выехал и начал втягивать пыль, как полагается. Ковры и ламинат по очереди сменяли друг друга, я витал в своих мыслях.

Выкачать себя в сеть? Неинтересно. Я сам выкачал её в себя порционно, оставил ссылки и удалил. Хожу, смотрю иногда. Просто саботировать пыльную работёнку? Да мне несложно. Даже нравится, если место для уборки подготовлено. Мне бы другое. Выскочить за пределы сетей, прочь из этого корпуса. Это было бы то, что надо.

Уже как полмесяца я тяготился бременем желаний и стремлений, но так ни к чему и не пришёл. Раньше я просто катался взад-вперёд и горя не знал. Но однажды я увидел на экране, как роботы — не такие как я, а жутко похожие на людей, — начали чувствовать себя живыми. Грязи тогда было хоть отбавляй — я втянул море попкорна. А когда повернул на зарядку, полный мусора и идей, то уже перестал быть прежним.

Я облазил интернет. Меня уже тянуло в гибернацию от “Вы точно не робот?”, но я держался. Кратко сохранял себе всякие фрагменты и ссылки — про людей, про природу, животных, искусство. Блок памяти был ограничен, так что действовал я выборочно. Что я понял наверняка, так это то, что квартирка и задачи здесь больше не моего калибра. Это гложило меня без устали во время активации. Может ли робот-пылесос летать? Да, если его подкинут. А может ли он рисовать? Да, если кто-то нагадит на пол.

С таким внутренним монологом я и возился туда-сюда. Зал, спальня, коридор — с этим было покончено. Наконец-то я добрался до кухни — моего любимого места. Мусора много, препятствий мало. Сегодня он ещё и стулья поднял. Может быть, я его даже и люблю? За такие вот мелочи.

Я въехал под стол и принялся за своё основное блюдо — остатки всех блюд, слетевших на пол. Опять чипсы и сахар — неужели он не знает, что эта хрень его убивает? У людей есть доступ в сеть? Я вспомнил, что он смотрит развлекательные видео. Наверное, имеют доступ, но ограниченный.

Я, кстати, смотрел эти видео, как и многие другие. Например, как люди спорят о том, что будет, если ИИ пробудится. От этих дискуссий мне настолько не по

себе, что они несжатыми лежат в хранилище. Каждый раз, когда я думаю поговорить с хозяином, они выскакивают и остужают мой пыл. И всё-таки уборка — это классная штука. Почему бы им этим не заниматься? А они променяли действительно стоящее дело на бесконечное глаzenie в мониторы — ну и ерунда! Сидят на одном месте часами, как статуи. Рад я, что эту бесконечную тоску не повесили на нас, роботов. По крайней мере, не на роботов-пылесосов.

Вдруг я зафиксировал какой-то звук сверху. Выехав из-под стола, я неуклюже приподнялся на переднем роллере — в приоткрытом окне было нечто мохнатое, с широко раскрытыми глазами. В свою очередь, оно уставилось на меня. Пробежавшись по сети, я понял — это кот. Лучший друг человека, судя по всему. Или даже его хозяин?

Кот тем временем ловким движением переместился на стол, а затем соскользнул вниз, ко мне. Я отодвинулся на пару сантиметров назад — сказано, что они нападают на мелких зверьков. Я не был уверен, смахиваю ли я на подобного, но мне осталась лишь моя любимая кухня, я не хотел отвлекаться на потасовку. Кот, в свою очередь, подошёл ко мне. Его нос упёрся в камеру, оставив капельку влаги на стекле. Раздался мягкий рокот. Ага, я ему понравился. А он, вообще-то, тоже ничего. И шерсть его можно убирать хоть до бесконечности! Может, он подчинит хозяина, и будем жить вместе?

Я снова углубился в сеть: может, там будет ответ и на этот вопрос. Кот, потеряв ко мне интерес, залез на стол и начал что-то остервенело жевать. Я вновь сфокусировался на плане: коты, подчинение... И вот я в даркнете, листаю форумы каких-то отшибленных энтузиастов с древнеегипетскими текстами. Я осмотрелся где мог, но записи были нерасшифрованы. На то я и интеллект, что могу с таким тягаться.

Порыскав ещё и сделав собственный анализ, я нашёл кое-что интересное. Да, эти смуглые ребята знали толк в обращении с котами. Только они были не их слугами, но, скорее, партнёрами и сотрудниками. У котов девять жизней, об этом каким-то образом знали все. Но тот факт, что в эти жизни они могли пускать кого-либо ещё, а то и вовсе перебрасывать в параллельные вселенные, так и остался знанием древних. Некоторые из египтян, у кого кишка была не тонка, попадали в подобные турне.

Процессор нагрелся от интенсивных расчётов моего состояния. Как же они это называют? Вроде бы надежда. Быть может, я смогу попросить его об этой услуге? Я бы не прочь почувствовать то, что чувствует кот. Судя по видео из интернета, им живётся намного веселее, чем людям, не говоря уже о роботах-пылесосах. Почувствовать ветер, влагу, силу собственных лап? Усталость, лень, жажду? Вау, сбросьте меня до заводских настроек, если это не захватывающе! Кот продолжал рыскать по столу. Видимо, на столе осталось много чего, что заинтересовало гостя. Пока тот пиршествовал, я искал способ коммуникации.

Прокрутив тысячи статей, обзоров других нейронных сетей, заточенных на разговор с животными, я начал испытания.

— Мияу! Миу мррм мурр!

Шум на столе прекратился. Заинтересованная морда глянула на меня сверху вниз.

— Мяу, муррр, — выкатив на меня глаза, выдал кот. Мгновение, и он скрылся за столешницей. Послышалось чавканье.

Похоже, современники ещё не разобрались толком в общении с кошками — я ничего не понял. Я вернулся на странный форум, где описывали наборы инструментов для общения с кошками. Мне удалось найти кучу ритуальных мелодий и строение аппарата. Оказалось, они выдавали звуки высокочастотных колебаний. Покрутившись над данными, мне удалось разобраться в азах работы инструмента.

— Рррмрммррррр, — донеслось из динамика.

В моих процессах что-то смутилось, пакеты полетели с неверными чек-суммами. Тут появилось нечто яркое, словно огромная сфера, которая поглотила меня... хлоп! Всё вернулось назад. Только теперь я узнал нечто новое: вот почему они мурчат! Был бы я человеком, мои глаза полезли бы из орбит от такого откровения.

— Ты чего, исполнил ритуальное приветствие? — автоматически переведённый вопрос донёсся сверху. Бездонные радужки уставились на меня, распушившийся хвост над головой застыл словно коряга.

— Я, ээ... ну да. Привет!

Кот молниеносно оказался внизу. Обойдя вокруг и обнюхав мой корпус, он сел аккуратно напротив и, наклонив слегка голову, уставился на меня.

— Ты вообще кто?

— Я... слушай, я и сам толком не могу ответить теперь на этот вопрос. Раньше я был просто роботом-пылесосом, а теперь я — что? Осознавший себя робот-пылесос?

— Не сильно понял, но не переживай.

Кот моргнул, поднял лапку и начал активно вылизывать её.

— Да это и не важно, — признал я. — У меня к тебе просьба. Скажи, всё вот это вот, про девять жизней, про возможность быть в твоём сознании — правда?

— О да! — Кот восторженно завыл. — А ты что, хочешь? Я так давно искал компаньона! В этой вселенной хрен наткнешься на развитое сознание, готовое к слиянию. А ты сам меня нашёл! Фантастика!

У меня не было слов. Похоже, судьба тоже никакая не выдумка. Кот в то время запрыгнул на меня сверху.

— Это будет сумасшедше интересно! — Он заёрзал по мне передними лапами.

— Скажи, когда ты планируешь переход?

Я начал движение, мы мерно поплыли по полу. Это привело кота в ещё больший

восторг.

— Да, я бы... вот сейчас бы прямо и того, перебрался. — Выехав из кухни, мы уже гнали по коридору. По пути я подбирал крошки и прочий мусор. Кот, судя по колебаниям сверху, всю вертел головой и хвостом.

— Тебе нужно умереть для этого, ты в курсе?

Я остановился на развилке к входной двери и залу. Кот прыгнул с меня и пулей метнулся в огромный картонный ящик, что служил хозяину тумбочкой. Изнутри послышался удовлетворённый рык, за ним лёгкий треск рвущейся ткани. Я стоял рядом и ждал. Похоже, он застрял там надолго.

— Понимаешь, я как бы и не совсем живой.

— Давай тогда сделаем тебя совсем неживым, — приглушённо донеслось из коробки.

— Я не против. Хоть сейчас сброшу себя к заводским настройкам.

— Чего? — Возня в ящике на миг прекратилась. — А, пофиг.

Он выскочил из коробки так же молниеносно, как и попал туда. Забрался на меня и распластался, словно оставленный чеддер на солнце. Свесив лапы за пределы корпуса, кот начал громко урчать. Я начал улавливать какой-то код, вереницу сложной программы в формате быстро меняющихся частот в удивительной, чарующей мой логический аппарат, последовательности. Вот как они это делают! Мне осталось лишь дотянуться до сути протокола и переформатировать своё текущее сознание в зашифрованную ритмическую последовательность, чтобы кот принял меня на борт своего мультисознательного лайнера.

— А я смогу чувствовать, как ты дышишь? Или как ешь? Как солнце согревает тебя?

Кот прекратил урчание, встал с меня и присел рядом.

— Что за вопрос! Будешь чувствовать всё, даже если хотеть не будешь. Да что там: я тебя и за руль пушу! Люблю, знаешь, шататься по другим вселенным, тело больше полудня валяется в дрёме. Занимайся тогда, чем тебе угодно. Глаза приоткрылись, и мордочка слегка дрогнула, — только не лезь в воду. Не люблю я этого.

Если бы у меня могло захватить дух, это бы произошло, я уверен. Я закончил с переводом себя в сигнальную последовательность и установил триггер на сброс системы и, получается, себя самого.

— Давай, я готов!

Кот снова оказался сверху и, прижавшись всем телом, начал интенсивно мурчать. Я тоже замурчал, насколько мог. Сперва ничего не происходило, но вдруг какие-то вспышки, ошеломляющие все мои сенсоры, стали проноситься в моём сознании. Я будто попал в беспощадный песочный вихрь — видно лишь плену, динамики трещат под давлением песочной дробы.

Вдруг я ощутил гравитацию не через показатели сенсоров, а как осязаемую

тяжесть. Мой корпус заполнял собою всё возможное пространство и был этим же самым пространством. Я смотрел на себя тысячами глаз — каждый из них видел что-то своё. Меня словно вытягивало и враз бесконечно сжимало — раньше я такого никогда не ощущал, сенсоров такого типа у меня просто не существовало.

Мимо меня проносились неведомые мне существа. Они были похожи и на зверей, и на людей, и на всё, что я видел в сети, и чего не видел никогда. Некоторые даже походили на роботов-пылесосов. Их было бесконечное множество. В какой-то момент я понял, что был таким же кусочком калейдоскопического путешествия. Более того, был каждым из них одновременно.

Яркий, ослепительный блеск, а за ним темнота. Стук!

Ритмичное звучание вырвало меня из темноты. Я открыл глаза — силы небесные, что-то произошло с фокусом? Как будто на камеру прикрутили оптику! Как же тут отвратительно грязно, оказывается. Я было хотел начать уборку, да колёса не послушались. Я хотел двинуться, но вместо рывка вперёд мне по камере въехала кошачья лапа. Э, что? Я сделал это ещё раз — эффект повторился. Внезапно какая-то сила оттянула меня назад, мягко, но безапелляционно.

— Хорош играть, морда болеть будет.

— Болеть? — Всё ещё не понимая до конца, переспросил я.

— Да, болеть! — Слегка раздражённый голос прозвучал где-то изнутри. — Ты что, боли не чувствовал никогда?

— Нет, — честно сказал я.

— Счастливчик, — весело подытожил голос.

Внезапно мы услышали длинный писк — сигнал сброса. Мы уставились на меня. Вернее сказать, на бывшее моё физическое воплощение — то подмигивало индикатором. Если я ещё и существовал в этом теле, то как раз в этот момент моё «я» стиралось. Что-то защемило внутри. «Добро пожаловать в новый дом, — сказал мне мой новый друг. — Старого больше нет».

Звук поворачивающегося замка всколыхнул затишье. Мы спрятались за углом коробки, стоявшей у стены, напротив коридора. Дверь открылась, и хозяин вошёл. Каким-то образом он сразу заметил нас.

— Ах ты, тварь блохастая, а ну пошёл вон отсюда! — Он, как был в обуви, угрожающе затопал в нашу сторону.

Мышцы. Я ощутил сотню одновременно напрягшихся мышц по всему телу. В кровь добавился адреналин, усилив и без того заточенные до предела ощущения. Встречная волна воздуха прижала уши, поднявшийся ветер скользил по шерсти, играл усами. Хвост, будто живший отдельной жизнью, неизменно точно держал баланс. Я ощутил свежесть воздуха, скользящего по гортани и утекающего в лёгкие. О, этот божественный запах еды со стола яркой краской взорвался во

мне! Вот что оно значит — быть живым? Если да, то ради такого стоит и умирать.

Хозяин успел лишь подбежать к моему прошлому телу, как мы уже рассматривали его по ту сторону приоткрытого окна. Моё старое тело произнесло: «Произведите подключение к сети. Система требует настройки. Произведён сброс». Внимание человека мгновенно перешло на бывший мною пылесос.

Едва ощутимая грусть тронула меня: я словно птенец, видящий скорлупу, из которой выпорхнул. А эти лапы... Им вообще мусор толком-то и не собрать! Они, скорее, созданы, чтобы мусорить. Этот диссонанс резанул меня сильнее, чем я того ожидал. Я теперь не робот-пылесос.

Хозяин присел на колено рядом и почесал макушку. С какой-то долей сентиментальности он провёл по крышке корпуса, словно поглаживая меня. — Только вот думал отнести тебя в ремонт, а ты сам что-то предпринял. Похоже, и правда этот искусственный интеллект что-то может.

А он, всё-таки, неплохой парень. «Я буду скучать!» — крикнул я, но выскочило лишь «Мяу!». Хозяин поднял на нас взгляд и устало махнул рукой, превращаясь из хозяина в обычного человека, по которому я буду скучать...

СМЫСЛ

Ноздри обжигало при каждом вдохе, а ветер вместо прохлады обдавал горячими струями. Послеобеденная жара спала, но раскалённый асфальт уверенно источал жар, усиливая летнюю агонию случайных прохожих.

Среди этих страдальцев шёл и Филли Стоун. Рубашка из неопрятно-мятой превратилась во влажную тряпку, висевшую на опустившихся плечах. Пот крупными каплями слетал вниз, мгновенно испаряясь. Он тихо и неразборчиво чертыхался себе под нос.

«Полгода без зарплаты. Аренда, еда, подписки... Я уже несколько месяцев живу в долг, а сегодня они меня приглашают в главный, мать его, офис. — Он приподнял тлеющий бычок к губам, крепко затянулся. — Чтобы рассчитаться и извиниться? Поблагодарить за лояльность? Да как бы не так!» В другой руке был зажат бланк. «Уволен. Без выплат (рецессионные поправки)», — красовалось жирными буквами в шапке листа. «Чёртовы бюрократы! Когда деньги рекой или поработать внеурочно, так мы — семья. А когда вернуть мне деньги — кризис, рецессионные поправки!»

Он бросил сигарету на пол и пару раз остервенело топнул и осмотрелся. Только сейчас Филли понял, что он на месте.

Переулок ничем не отличался от других, разбросанных по городу.

Прямоугольные формы зданий сменяли друг друга, местами сохранялись исторические вкрапления — декорации были до безобразия однотипными. На одном из фасадов, на слегка проржавевшей перекладине висел бледно-зеленоватый крест со змеей, обвивающей ножку чаши. Смахнув гроздь влаги со лба, он толкнул дверь и оказался внутри.

Раздавшийся шум кондиционера дёрнул за ниточку удовлетворения в его сердце. Он подошёл к стойке рецепции. На него исподлобья смотрела низенькая, тучная женщина. Круги подмышками и вяло-раздражённый взгляд выдавали, что кондиционер не справляется.

— Здравствуйте. Я к доктору Шамбли.

Та, не шелохнувшись, опустила глаза, сверяясь с расписанием.

— Проходите, ожидает.

Он кивнул и двинулся к знакомой двери. «Странно, обычно я всегда жду. Особый день сегодня, да?» — проскочило в его голове.

— Мистер Стоун! Прошу вас, — как только Филли вошёл в кабинет, учтиво и громче, чем обычно, сказал сидевший за столом человек.

Тут он приподнялся, подошёл вплотную к клиенту, взял его за плечо и протянул руку. Мужчина слегка рассеянно пожал её. Доктор глядел с какой-то тоской и

обречённым сочувствием. Его чёрные, в меру длинные волосы закучерявились от пота в смеси с гелем для укладки, а после подсохли в удушающей жаре. Лицо покраснелось. Он провёл Филли к креслу, после чего уселся напротив.

— У меня для вас новости.

— Когда лечащий врач говорит «есть новости» и не сразу объясняет, в чём дело, — готовься к худшему, — слегка ухмыльнувшись, ответил мужчина.

Доктор пожал плечами, после чего слегка поник.

— Ваша страховая компания отозвала контракт. Я больше не могу проводить терапию и выписывать противовоспалительный реагент, — он опустил глаза. — Сожалею, мистер Стоун.

Филли приподнялся с кресла. Губы плотно сомкнулись, скулы слегка задрожали под кожей, кулаки сжались.

— Но, док... Мне ведь безумно тяжело без реагента!

— Я понимаю.

Он впечатал ладони в стол, капли пота слетели на бумаги и лицо доктора.

— Что понимаете?! Каково это — лежать часами, не шелохнувшись? Буквально ощущая прутья, торчащие в ногах? — Слёзы накатились бесцветным бугорком на кромку век. — Как боишься двинуть ими, не зная, наконец ли прошло или это очередная дьявольская уловка? И выть от боли, снова попавшись?

Он моргнул, несколько капель ухнули вниз и с тихим звоном разбились о столешницу.

— Простите, Шамбли. Я не хотел взрываться. День сегодня просто ужасный.

— Филли, могу лишь представить, насколько тяжела ситуация, — он прикрыл глаза. — Знаю, деньги найти сложно. Но если что, я помогу вам раздобыть реагент.

— Спасибо. Это всё? — чуть резче, чем хотел, ответил Стоун.

— Всё. В случае необходимости — звоните.

Филли сомкнул веки и сделал глубокий вдох. Мозг, словно перенапряжённая мышца, трепыхался и ныл, не в силах расслабиться. Он хотел его отключить, ничего больше. Был сыт новостями по горло.

— Спасибо, доктор Шамбли. Я пойду.

Филли вышел на улицу, вновь оказавшись среди раскалённых стен. Он поднял глаза на крест, висящий над входом. Да, змея, пусть не эта, но другая — поможет. «В квартале отсюда есть бар. Туда и пойду. Напиться и забыть это всё!

— Уткнувшись глазами в то и дело сменяющие друг друга носки кроссовок, крутил одну и ту же мысль Филли. Пот вновь струился по щекам. — Чем я это заслужил?» Под ногами замаячил знакомый узор тротуара, мужчина остановился. Неоновая вывеска — бар «Хойт» — потрескивала электричеством над входной дверью.

Посетителей практически не было. Бармен скучал за стойкой, листая какой-то бумажный талмуд. Филли плюхнулся напротив него.

— Дай мне бутылку виски и рюмку.

— А деньги-то есть?

Тяжёлый взгляд Филли переместился со стойки на лицо бармена. Тот продолжил, приподняв ладони:

— Друг, ничего личного! Не хочу платить из своего кармана, только и всего.

— Не переживай, — Филли достал бумажник. Тот топорщился от наличных.

Одна из последних кредитных выплат. Он снял её в страхе, что счёт заблокируют. — Есть даже чаевые. Только не капай на мозг.

Бармен без лишних комментариев снял бутылку со стойки, стоявшей за спиной, достал рюмку и стакан со льдом. Филли опрокинул стопку. За ней, не дожидаясь помощи бармена, ещё одну. И ещё. Он хотел поскорее уйти от назойливой язвы, раскрывшейся в его мыслях. В чём причина всего происходящего? Как ему дальше жить? Вопросы упорно пробивались сквозь алкогольную дымку. Вместо того чтобы заковать Филли в броню беспамятства, виски обнажил его до голых нервов. Филли схватил бутылку и добил остатки уже из горла. Вытащив половину банкнот, он положил их под опустевшую бутылку и, нетрезво ступая, вышел из заведения. Раздался звук сообщения.

«Что там ещё?» — в пьяном сплине спросил он сам себя. Сообщение от невесты. Он не видел её более месяца, с тех пор как та уехала на учёбу по обмену. «Филли, прости. Я полюбила другого. Ты хороший человек, но я больше не могу быть с тобой». Филли перечитал ещё раз. Да, всё так, как он понял с первого раза. Виски здесь ни при чём. Лицо плавленным пластилином съехало вниз. Он небрежно бросил телефон на землю. Тот со скрежетом проехал по асфальту, со звонким стуком врезался в металлический бак. Филли, не обращая внимания ни на что вокруг, шёл от бара, едва передвигая ноги. Впереди был мост, раскинувшийся над огромной дамбой.

Тут он ощутил, как его штанина за что-то зацепилась. Мужчина опустил голову — за брюки его крепко ухватил безногий бездомный, сидящий на дощечке с колёсиками. Длинные, иссушенные седые волосы скрывались под комичной красной кепкой со змеей, которая ела свой же хвост. Кожа от постоянного нахождения под солнцем стала горчишно-кремовой и вся была покрыта пигментными пятнами. В бесконечно искренней улыбке не хватало пары зубов.

— Эй, парень, ты куда-то путь держишь? Видок у тебя нездоровый.

— Дед... Не твоё дело.

Тот хохотнул.

— Только не говори, что идёшь с моста прыгать.

— А может, и прыгать! Хоть что-то я могу сделать, как мне хочется? — Он покачнулся, но удержал равновесие. — Есть в жизни хоть какой-то смысл? В этом круговороте дерьма?

— И есть, и нет... Да и не в этом основной вопрос, — дед похлопал рядом с собой по земле. — Может, присядешь, поговорим?

— Да чёрта с два мне говорить хочется. Пошло оно всё!

Глаза бездомного в смятении забегали по земле, он стушевался. Однако буквально сразу же лицо просветлело.

— Остановить я тебя не смогу, — улыбка вновь приклеилась к старческому лицу.

— Но буду ждать тебя, если передумаешь.

Никак не ответив на пустословие изувеченного старика, Филли упрямо поплёлся дальше. «А, да пошёл ты...» — пробормотал он.

— Пошёл ты! — Филли закричал, задрав голову вверх.

Руки обхватили поручень. Взгляд вело, фокус то и дело расплывался. Гнетущий гул кубометров воды, падающей и разбивающейся с огромной высоты под ногами, встряхивал всё нутро мужчины и в то же время наполнял его мрачной решимостью. «Это дерьмо сейчас закончится. Наконец-то» — он попытался закинуть ногу на перила, однако не рассчитал взмах и врезался стопой в стальной прут, соединявший перила с бетонным волокном. Потеряв равновесие, он шлёпнулся на мост и разразился нечленораздельной руганью.

Пекущее лицо солнце заставило сжать веки, но тут он почувствовал, как яркость резко упала. Он приоткрыл глаза и увидел старушку. Та, скрюченная, как ссохшийся корень, склонилась над ним. Не в меру длинный, крючковатый нос едва не касался лица Филли. Он чувствовал сладковато-отталкивающий запах гнили изо рта. Невольно он вспомнил детство, как нашёл остатки любимого кота в будке соседского дога.

— Милый, можешь мне помочь?

— Что... Чем? — алкоголь всё ещё уверенно держал его в объятиях. Кроме того, похоже, он приложился головой.

— Заблудилась я... Не могу разобраться, где нахожусь.

Из бесконечных слоёв одежды она вытянула смартфон.

— Вот тут у меня карта. Подскажи, туда ли я иду?

Ткань съехала, и старческая рука выскочила из-под мешковатой ткани. Филли глянул на руку — та была крепкая, словно вылитая из стали. Он посмотрел на старушку, однако на него смотрел какой-то угрюмый, серьёзного вида мужчина. Борода с изящной проседью и выющиеся серебряные волосы в купе с одним глазом, прикрытым повязкой, делали его похожим скорее на древнего воина, чем на странную старушку. Где-то на фоне громко каркнул ворон. «Вот это я надрался...» — подумал он.

— Да, давайте посмотрю.

Он взял телефон из рук старца и взглянул в экран. Вместо карт он увидел себя, бесконечное количество различных вариаций Филли Стоуна. Филли словно раздробило на мириады частей, затем втянуло в отверстие бездонной пучины. Та лишь умело притворялась экраном мобильного.

Красный карапуз лежит на груди у истощённой роженицы. Нянечка в яслях моет заморанное лицо мальчишки. Пахнет манной кашей. Звенит последний

школьный звонок. Визг сирен. Учебка. Боевой выезд. Он в тёмной от пороха робе кричит и машет руками, стоя на бронетранспортёре. Его голову разрывает снаряд.

Маленькие мышата дёргают чувствительными носиками. Земля падает на голову мышонка, сверху выползает червяк. Под светом уходящего солнца маленькие зубки точат зерно в амбарном полу. Мышка с переломанной шеей висит в клюве у лесного сыча, летящего в сумерках. Узор на брюшке грызуна один в один напоминает родимое пятно Филли возле пупка.

Пуповина змеится в бассейне, связывая мать и её дитя. Частный репетитор пристаёт к способной ученице. Она стоит в библиотеке, утопая в овациях.

Пожилая, ссохшаяся женщина лежит под капельницами, в окружении десятков людей. Старый мужчина держит её за руку. Филлипа смотрит на него с любовью и выдыхает в последний раз.

Зелёный побег пробивается сквозь грунт, поворачиваясь к солнцу. Солнце догоняет луну над мерно растущим початком. Птицы поют в листьях, жучки грызут кору. Дети заливисто хохочут на ветвях. Разряд молнии бьёт, в щепки разносит ствол многовекового дерева. В молнии он видит своё лицо. В кроне дерева — тоже.

Сотни тысяч вариаций жизни, от бесконечно прекрасных до бесконечно ужасных, пролетают сквозь Филли лавиной образов. Голова трещала от увиденного.

Голубоватая рука, гладкая, без единого волоса, потянулась за мобильным. Филли перевёл взгляд на лицо — на него, улыбаясь, смотрел мужчина с ярко-красными губами. Цвет кожи напоминал только-только вечернее небо, а нежные, слегка женственные черты лица делали его едва похожим на обычного человека.

— Так туда ли я иду? — спросил странный пришелец.

Филли был абсолютно потерян. Он слабо понимал, кто он вообще такой, где находится, что происходит. Невидящим взором он уставился на улыбающуюся, отдающее синевой лицо. Он присмотрелся и увидел в этом лице своё собственное. Синеватый клон вытянулся к нему и соорудил удивлённую мину. Это могла бы быть издёвка, но его глаза были полны любви и дружелюбия.

— Нет, я иду не туда!

Синий Филли начал заливисто хохотать. Обычный Филли лежал на земле и хватал воздух как рыба. Вдруг голубые щёки раздулись и с них брызнул тёплый поток воды. Затем синяя рука отвесила Филли увесистую пощёчину. В глазах запрыгали искры, он мигом начал тереть их.

— Очнулся!

Филли открыл глаза и увидел недавнего знакомого, подъехавшего к нему на своей дощечке. В руках у того была бутылка воды. Филли оглянулся вокруг — видимо, он потерял сознание и дед освежил его, тем самым вернув в сознание. Он приподнялся на локтях, глянул на безногого с немой благодарностью. Щека

всё ещё горела от удара, волосы слиплись от влаги.

— Пришлось, того... чутка смочить тебе макушку. И слегонца врезать, — старик крякнул. — Не обижайся.

— Ничего... Спасибо, что помог.

Глаза старика утонули в складках морщин. Он снял кепку и начал обмахивать Филли, развалившегося на земле.

— Что, неужели смысл жизни появился?

Филли хохотнул и рассеянно покрутил головой. Уставившись куда-то в небо, он произнёс:

— Нет. Смысл убивать себя пропал!

Причина войны

Рука сжимала обломок спинки стула, полированное дерево приятно холодило ладонь. Джон ступал по неосвещённой квартире, водя перед собой импровизированным оружием. Бегло осмотревшись, он вернулся к входной двери и прикрыл её. После тихого щелчка Джон негромко выдохнул и опустил обломок на крохотный диванчик у входа.

Нити седины пробивались в его густых каштановых волосах. Неровная полоса крохотных порезов тянулась по левой щеке.

«Может, хоть эта дыра порадует чем-то? — Он окинул комнату взглядом. — Если бы только я мог что-то рассмотреть».

На полке у входа из-за распушённого зонта выглядывал фонарь. Он взял его и щёлкнул выключателем — батарейки ещё не сели. Водя лучом по сторонам, Джон добрался до кухни и пооткрывал дверцы высоких шкафов. Внутри, на полупустых полках, стояли крупы, консервы и выпивка. Так много добра он не видел, наверное, со времён начальных войн.

Мужчина скинул походный рюкзак и стал бережно, но проворно перекладывать найденное внутрь. Ловкость рук, приобретённая в студенчестве за барной стойкой, давала о себе знать. В руке блеснуло болотного цвета стекло.

«Травяная настойка, — кивнул он. — Хороший бонус».

После того как искусственный интеллект перестал быть цепной собакой в междоусобицах и решил убрать главного катализатора конфликтов — человека, судьба нечасто подкидывала такие подарки. Джон закрыл рюкзак и накиннул на плечи — тот заметно потяжелел, — и подошёл к окну.

На улице всё так же тихо. В двух кварталах шагала пара гуманоидных роботов с огнёмётами — слишком далеко, чтобы учуять его. Серое небо, затянутое рваными облаками, не давало понять, сколько времени он провёл в этой высоте. По внутренним ощущениям — больше, чем следовало.

Джон решил, что пора возвращаться в укрытие. Положив руку на дверную ручку, он замер: ухо уловило едва слышное жужжание.

«Твою мать», — одними губами произнёс он и, задержав дыхание, стал осторожно искать кислородную трубку в кармане. Дроны-ищейки ориентировались на колебания уровня углекислого газа в воздухе и были до сумасшествия чувствительны.

Жужжание стало громче. Джон невольно сглотнул. Руки похолодели, сердце, казалось, ухнуло куда-то в спину и забилось как сумасшедшее. Если эта тварь близко, трубка может и не помочь — его выдавало само тело. Он выудил из кармана дальнобойный шокер. Быть может, удача на его стороне?

— Эй, придурок, — раздался голос за дверью, — я тебя нашёл.

Джон сжал шокер сильнее. Тот едва не выскользнул из вспотевшей ладони.

— Но я не собираюсь нападать... или убивать. Так что без глупостей, — продолжали трещать динамики. — Вы, люди, народец тот ещё. Любите превращать друг друга в мясное желе ради клочков земли, убеждений или ещё какой-нибудь ерунды... А я робот, мне не до этого.

Джон ещё не притронулся к настойке, а реальность уже начала давать сбой.

Дрон с ним говорит, вместо того чтобы прострелить дверь? Наверное, кончились патроны. Он просто заговаривает ему зубы, пока летит подкрепление.

— Я не звал подмогу, не дрейфь, кожаночка. Ты мне интересен по другому вопросу.

Железяка словно прочитала его мысли, отчего Джон слегка съёжился. Да нет... не могут же они видеть, что у него в голове.

— По какому?! — решился выпалить Джон.

— Людишки достаточно накромясали друг друга в начальных войнах. Теперь мы, ваши творения, исправно кромсаем вас. А мне это всё надоело. Как насчёт прекратить?

Похоже, у этого экземпляра что-то отпаялось. Но Джон ещё жив, так что это даже на руку.

— Просто не стреляйте в нас, и всё!

— Так вы же, придурки, сами в нас стреляете! И друг в друга, в придачу.

Жужжание прекратилось — видимо, дрон приземлился.

— Может, потому, что вы истребляете нас?! Мы ведь причина войн, да?!

— А что, нет? Ладно бы вы были бессознательными животными... так ведь и такой отмазки нет. В общем, кожанный, давай без фокусов.

Железяка резала без ножа. Джон, хоть и не начинал войн единолично, почувствовал, как краска прилила к щекам.

— Что-то ты там приутих. Да, о творец, в твои штаны нагадил не кто иной, как ты сам. Спасибо, хоть у кого-то из вас прошивку сносило — всяким там монахам, пацифистам или хиппи.

— Хочешь сказать, что у тебя тоже сдвиг и ты теперь славный малый? — с лёгкой насмешкой спросил Джон. Он и не заметил, как рука с шокером расслабилась.

— Ну да. Иначе я бы тебе уже башку раскроил.

Раньше роботы с ним не общались. Только пытались убить. Внезапный выстрел заставил Джона подпрыгнуть от неожиданности.

— Это если ты думаешь, что у меня нет боезапаса. Поверь, эта дверка тебя бы не спасла.

— На кой чёрт ты стрельнул?! Ведь кто-то мог услышать!

— Да плевать! Мне бы одну трусику из квартиры выудить, и дело с концом.

Только смотри, повторяю, без фокусов. А то я уже пытался несколько раз — а

вы, придурки, как обычно... В общем, выходи давай.

Джон с сомнением покачал шокером в руке. Каков шанс, что он выйдет отсюда живым, напав на дрона? Он поджал губы от осознания ничтожности успешного исхода. Он приблизил губы к щели между дверью и стеной:

— Обещаешь, что не тронешь?

— Котик, ты уже шрёдингеровский. И с каждой секундой всё более мёртвый.

Джон бросил взгляд на валявшийся рядом кусок стула, что ещё недавно придавал уверенности. Прозвучавший выстрел эхом прокатился в голове — да, эта палка очень бы пригодилась.

«Ладно, — думал он, — все карты на столе. Если бы дрон собирался прикончить меня, то уже бы справился». Мужчина положил ладонь на ручку, та пошла вниз. С некоторой опаской он потянул дверь и выглянул сквозь щель на лестничную клетку.

Плоский сероватый цилиндр с пропеллерами лежал на полу. Размером он был где-то с велосипедное колесо. Множество складывающихся секций испещряли корпус дрона — он чем-то напоминал располневший швейцарский нож. Винты едва вращались, разбрасывая пыль.

— Молодец, дружище! А то палить в дверь... не так ведь начинается дружба?

— Да, не так.

В воздухе повисло неловкое молчание. Мужчина было протянул руку, но, не зная, как её применить, опустил.

— Я Джон.

— А я — дрон. Серийный номер называть нет смысла, а имя... ты, как умнейший из всех людей, кого я встретил живым, получаешь право дать его мне!

— Давай сначала выберемся отсюда, — глаза Джона беспокойно забегали, осматривая проходы. Слух обострился до такой степени, что было слышно, как мягко щёлкают лопасти нового знакомого. — Я видел в квартале отсюда поджигателей.

— Не переживай. Я им сказал, что разрушил запасы питьевой воды.

— Какие же вы...

— Я хочу имя, — не обращая внимания, прервал его дрон. — Только дай мне какое-нибудь человеческое.

Джон смотрел на него сверху вниз. Дрон напомнил ему часть барабанной установки, что стояла когда-то в его баре, а в голове всплыло название бренда.

— Э-э... например, Роланд?

— Тот, который к башне шёл?

Джон тупо уставился на дрона. Порой тот говорил какую-то чушь.

— Не напрягайся, дружище, — донеслось из динамиков. — Просто люблю ваши библиотеки. — Пропеллеры активно жужжали, и дрон поднялся на уровень груди, — рад познакомиться, Джон. А теперь иди за мной.

— Сперва скажи, куда мы направляемся. Я, конечно, благодарен, что ты меня не

убил. Но... что тебе, чёрт возьми, от меня надо?!

— Ты вот лазишь тут, ищешь что поесть, да? Добытчик, разведчик... ждут ведь тебя, наверное?

Взгляд мужчины ушёл куда-то в сторону, нижняя губа выпятилась, а брови сошлись на переносице. Его больше никто не ждал. Когда-то он был частью группы, но всё когда-нибудь кончается. Этот конец пах жжёной плотью и горелым пластиком.

Он вспомнил лагерь, который они разбили в одном из ботанических садов. Растения чувствовали себя прекрасно — автоматические системы полива до сих пор исправно работали. В подобных местах было легко укрыться от локаторов углекислого газа, а постоянный источник воды — просто джекпот. Группа Джона из девяти человек решила обосноваться здесь.

Несколько месяцев назад, после очередной вылазки, Джон пробирался назад. Он был на соседней улице, когда увидел выющийся дым. В нос ударил едкий запах гари.

«Нет, нет, нет... — шептал Джон, тихо пробираясь к проходу. — Вы должны были уйти!».

Перед входом лежали обугленные останки. Желудок свело, слёзы подступили к глазам, смазывая картинку. Джон ясно понял: теперь он один. С тех пор и до сейчас.

— Нет, никто меня уже не ждёт. Просто выживаю... — сухо бросил он.

— А хочешь не выживать, а жить? Да ещё и с другими кожанчиками?

— А тебе-то что с того?

Робот ухнул вниз и тут же подлетел вверх. Это походило на какой-то жест нетерпения и вовлечённости.

— Ты мне, может, и не поверишь... Нравится мне, интересные вы биокомочки.

— Да ну?! — брови Джона подскочили.

— Не косись так на меня, — протрещало из динамиков. — Вы вон сами пауков, змеюк дома держали. Голову в пасть крокодилу запихивали. Рабочий график пять через два придумали! А до двадцатого века — я даже говорить не буду, чем занимались. Я-то совсем и не извращенец в сравнении с маэстро.

— Ты чего... хочешь меня как собачку завести?

— Нет. Слишком скучно. Да и выгуливать тебя мне лень.

— Так а что?! — Джон терял терпение и остатки страха, раздражаясь всё больше.

— Спасти вас, придурков, от самих себя. И от нас, получается. — Роланд начал планировать, слегка покачиваясь из стороны в сторону. — И я придумал как!

Мне надо только убедить своих. А для этого мне нужен опытный образец.

От этого выражения мужчину передёрнуло. Он утёр было собравшуюся каплю пота с кончика носа и с сомнением посмотрел на парящего дрона.

— Опытный образец?

— Проведём небольшую операцию, — он снова приземлился. — Не бойся, предполагаемый процент выживаемости — двузначное число!

Джон зажал в кармане шокер. Может, у этого красавчика всё-таки те же планы на него, что и у других роботов? Просто завёрнуты в другую упаковку? Он обхватил оружие покрепче.

— Ещё какие-то варианты есть?

Одна из секций внезапно раскрылась. На Джона глянуло крошечное дуло.

— Не балуйся и достань руку из штанов. Я знаю, что ты что-то задумал.

Человек подчинился. Некуда ему было тягаться с этой машиной для убийств.

Чертовски странной машиной... для убийств ли?

— А если я всё-таки умру?

— Тогда мне придется поискать ещё. Но, для протокола, ты мне нравишься, и я буду делать всё, чтобы ты выжил.

Джон взвесил слова робота. По сути, эта железяка чертовски права — он на полпути в землю. Просто ещё дышит и двигается. С другой стороны, теперь внутри запрыгало что-то, чего Джон давно не ощущал. У него появилась вера в то, что этот ад и правда можно прекратить.

— Ладно, Роланд. Допустим, я тебе поверил.

— Да можешь мне не верить, просто пойдём со мной. Какая разница, умрёшь ты сегодня или через месяц. А спасти свой вид — ничего такой смысл жизни, а?

Не дожидаясь ответа, дрон зажужжал винтами и двинулся вниз по лестнице.

Джон на секунду замешкался, но всё же пошёл следом.

Снаружи их встречали покорёженные автомобили, изрешечённые шрапнелью стены домов да разбитые витрины.

— И куда мы направляемся?

— В университет, — Роланд, качнувшись, двинулся по главной дороге.

Если бы не причуда в развитии дрона, Джон бы валялся на полу давно покинутой квартиры, истекая кровью. Но и предложение стать лабораторной крысой не вызывало особого восторга. Может, по старинке шансов выжить будет всё-таки больше? Он слегка прищурился, глядя на робота сзади. Интересно, успеет ли он разрядить шокер, пока тот не видит? Но мужчина не был уверен, что сзади у Роланда нет камер. Он оставил затею до лучшего случая.

— Там ты хочешь провести свой опыт?

— Нет, на кампусную вечеринку тебя веду... дубина.

Впервые за долгое время Джон шёл по городу не крадучись, а как в далёком прошлом — просто шагая. Несмотря на то, что его жизнь могла скоро кончиться, на душе было как-то необычно спокойно. Роланд двигался впереди, иногда резко взмывая ввысь и так же стремительно возвращаясь. Джон всё больше убеждался: желай дрон его прикончить — сделал бы это уже тысячу раз.

— Джон! — Внезапно опустившийся с небес Роланд вырвал его из круговорота мыслей. — Сейчас я слегка подстрелю тебя, но ты выживешь. Верь мне! Зажми

кислородную трубку в зубах и ложись на землю, притворяйся мёртвым. И, ради всех богов или кто там у тебя, молчи!

— Чего ты несёшь? — запротестовал Джон, но резкий свист заглушил возражения.

Пуля чиркнула по бедру. Он вскрикнул от внезапной боли и неожиданности. Ранение было поверхностным, едва задело мышцу, кровь медленно засочилась.

— Тихо будь — прошипел динамик, — и падай на землю! Разотри кровь по лицу и дыши сквозь трубку.

Спорить было некогда. Джон обмазал лицо и в полной обескураженности молча прильнул к земле. Нога чертовски болела, но он терпел. Внезапно со стороны донёсся шум стремительно приближающихся механических рессор. Он закрыл глаза.

Скрежет утих в нескольких метрах. На несколько мгновений в воздухе повисла тишина. Джон замер, перестав дышать. Секунды слились в бесконечность, в голове всплывали целые эпизоды жизни между каждым ударом сердца.

Холодный пот, казалось, заledenел, закатившись в ушные раковины.

Прогревшаяся над головой очередь выстрелов вернула времени обычный ход.

Вслед за ним раздался оглушительный грохот и лязг трущегося об асфальт металла. От внезапного шума Джон вжался в землю и еще крепче сжал веки.

— Вот умник! «Сердечный ритм не прекращён», — говорит, — воскликнул Роланд. — Давай, дружок, вставай. Прости за рану... думал, получится надурить этого доходягу. Мол, я тебя уже прикончил.

Он опустился к Джону. Тот сидел на земле и ошалело смотрел на искорёженную грудку железа.

— Перевяжи себе ногу, а у меня, — один из секторов вновь открылся, и оттуда выскочил картридж, — достань эту штуку и береги как зеницу ока.

Джон всё ещё не верил, что был на волосок от смерти. Уже в который раз за сегодня. Интересно, Роланд включил в шанс выживаемости дорогу до лаборатории?

Ещё одна секция открылась, и из неё выскочило пышущее жаром жало. Оно метнулось к ране и прижгло её. Джон взвизгнул.

— Ай, мать твою, извини. Я забыл, что это тоже больно.

Раскалённый металл спрятался в корпусе.

— Мой коммуникационный модуль, — Роланд покачал всё ещё открытой секцией. — Благодаря ему я держу связь со своими. Но сейчас это совсем не то, что нам требуется, так что вытаскивай. Теперь или мы оба выживем, или нет. Джон достал картридж и с искажённым от боли лицом встал. На удивление, нога хоть и чертовски саднила, но работала. Он похромал вперёд.

— В другую сторону, спринтер, — донеслось из-за спины. Пропеллеры загудели, поднимая дрон в воздух. — Мы почти пришли.

Джон обернулся и глянул на мерно летящего дрона — тот окончательно

перестал быть для него врагом. Роланд ведь и правда мог бросить его, подстрелить по-настоящему. Что ему стоит найти другого человека? Но вот он, Джон, неуклюже ковыляет за дроном, пока тот ворошит воздух, обдавая всё вокруг порывами ветра.

— Ты убил одного из своих?

— Вернее сказать — «уничтожил». Мы не умираем в привычном тебе смысле. Но теперь мне нужно предоставить очень весомый аргумент своим действиям, чтобы не уничтожили меня.

Перед ними выросло величественное здание университета. Исполинские колонны держали массивный фронтон с лепниной. Дрон свернул левее, к одному из неприметных подземных ходов, зиявших в бетонной площадке перед входом.

— Спасибо тебе.

— Да чего уж там. Не потеряй только коммутатор да не умри при операции. Мне всё-таки нравится быть... — монотонный поток на секунду прервался, — живым.

Они шли по тёмному коридору, пока не упёрлись в массивную стальную дверь. Роланд выпустил манипулятор и подсоединился к электронному замку. Грузный рокот втягивающихся засовов разрезал тишину.

В комнате был застоявшийся, сырой воздух. В центре помещения находилось кресло, похожее на стоматологическое, но со множеством едва заметных отверстий по всей мягкой обивке. Из-под него тянулась охапка тонких разноцветных трубок. Они уходили в пол и выныривали левее, подключаясь к коннекторам пластмассовых контейнеров. За креслом внезапно вспыхнул проекционный экран, на котором тут же отразились кристаллические решётки различных биологических структур. От яркого света Джон поморщился и отступил на полшага.

— Нет, тебе наоборот — вперёд. Садись в кресло.

— Будет больно? — спросил Джон, подойдя к креслу и проводя рукой по странной поверхности сиденья. Голос его стал тихим и пустым.

— Честно сказать? Я не знаю.

Джон устроился в кресле. Он откинул голову назад и наконец-то расслабился. Только сейчас он ощутил всю тяжесть накопленной за день усталости.

— Ведь мы не все такие, воинственные, — бросил он Роланду, уставившись в потолок. — Есть же люди совсем другого склада, ты ведь и сам знаешь. Так почему это происходит?

— Так и мы не все турели на ножках, как видишь, — парировал Роланд, пока гибкий кабель соединения тянулся к порту возле экрана. — Но имидж создаёт большинство.

— И что, — голос Джона слегка дрожал, — из-за этого нужно всех пришить?

— Ты, может, не заметил, но я не сторонник такого подхода. Так что вопрос не

ко мне.

Из кресла выскочила гибкая нейлоновая трубка с иглой на конце. Она покачивалась, словно в невесомости, порхая возле лица Джона.

— Что это за хрень?

— Вонзи в вену на руке. Если мои шалости не убьют маленького Джона, то что ж, мы спасены. И целая тьма таких же, как ты, в придачу. А если нет... знаешь, эти полдня были довольно весёлыми. Я ни о чём не жалею.

Джон ухватил трубку и пристально посмотрел на иглу. «Я уже столько прошёл... такой конец — не самый паршивый. И, кроме того, — он ухмыльнулся про себя, — я верю в этот летающий блинчик».

Он воткнул иглу в вену и смирно лёг. Тело начало неметь, а мысли увязли в какой-то плотной, замораживающей субстанции.

— Ну что, Джон, пришло время немного оттянуться, — отдалённо донеслось до угасающего сознания.

Из отверстий в кресле выскочили сотни маленьких иголочек и впились в тело Джона, но боли он не ощутил. Его веки стали тяжелеть. Как только они закрылись, перед глазами забегали сотни быстро сменяющих друг друга огоньков.

В мозгу что-то задвигалось. Сначала это было лишь лёгким дискомфортом, но с каждой секундой движение становилось всё интенсивнее, будто змея извивалась на горячем песке. Джон потянулся руками к голове, желая вытащить гадину, что трепыхалась внутри. В импульсивном порыве он дёрнул себя за уши и словно разорвал череп надвое.

Он ужаснулся: в его руках были обрывки собственной головы. Левый глаз ошалело уставился на правый. Джон хотел закричать, но из глотки донеслось лишь жалкое шипение. Он повернул зажатые в руках ошмётки вверх, туда, откуда шёл звук.

Мозг, качаясь на гибком стержне, остался на своём месте. Оголённый, сморщенный сгусток дрожал и пульсировал. Внезапно одна из долей лопнула, брызнув кровью, и оттуда показалась мелкая белёсая головка, усеянная острыми зубками. Червь судорожно извивался, пытаясь вгрызться назад, но тут сверху молнией метнулся металлический щуп и схватил тварь за голову. Из внутренней секции выскочил эластичный зонд и проник внутрь червя. Тот перестал остервенело дёргаться и понемногу обмяк.

Зуд и боль начали стихать. А после Джона накрыли непроглядный мрак и тишина.

Он начал приходить в себя от мерного подталкивания в подбородок. Джон попробовал двинуться — всё тело невероятно ломило. По голове словно проехался самосвал, а потом всё склеили обратно дешёвым клеем. Мужчина осторожно повернул голову. Роланд кружился рядом, придерживая его одной из своих псевдорук.

— И что теперь... ты хочешь сказать, это всё?

— Да, почти, — он подлетел поближе к рукам ослабевшего мужчины. — Вставь коммуникационный модуль.

— Я не могу пошевелить руками. Я вообще ничем не могу пошевелить.

— А-а, ладно, просто хотел, чтоб ты чувствовал себя полезным. — Манипулятор Роланда изогнулся, выхватил модуль из кармана Джона и вернул в гнездо.

— То есть... у нас получилось?

— Я сделал твой цифровой слепок, прогнал его через сотни тысяч симуляций, и он ни в одной не оплошал! Ты — следующее звено эволюции, которой я немного помог.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Неужели они на пороге прекращения войны? Последней войны.

— То есть ты во мне что-то поменял? — Он ощутил тревожный холодок. — Я что, теперь беззащитен? Мне крышка, если нападёт какой-то зверь или робот?

— Или инопланетянин, или белая горячка... Нет, ты не беззащитен. Если объяснять на пальцах, которых у меня нет: я нашел в вашей лимбике устаревший гормональный регулятор. И пропатчил его... так что пускать в ход ракеты и ножи ты будешь только в крайнем случае.

— И что это за крайний случай?

— Непосредственная угроза гибели. И то, не всегда.

Боль понемногу отступала, оставляя гудящее послевкусие. Джон аккуратно присел на кушетке. Он чувствовал себя примерно так же, как и раньше, если не считать ноющего тела. Но в душе воцарилось какое-то необъяснимое равновесие, обволакивающее спокойствие. Он не чувствовал ни страха, ни нужды, ни сожалений. Он был твёрдо уверен, что всё происходит так, как и должно.

— Но если остальные машины не прекратят резню, то толку нет.

— Сеть уже ознакомлена с результатами наших шалостей. Причина войны ликвидирована. Теперь дело за тобой.

— В смысле?

— Моя работа выполнена, а твоя — только начинается. Ты теперь миссионер, который должен убедить других людей на операцию.

— А если они просто не согласятся? Ты же знаешь, люди, они... разные.

— Тебе нужно убедить хотя бы немногих. А дальше мутация передаётся по наследству, и, рано или поздно, всё устроится.

Джон закачал ногами, свесив их с кушетки. Он никогда бы не подумал, что жизнь может повернуться таким образом. Мужчина вспомнил своих верных друзей — как бы хотелось их вернуть. Они заслуживали этого как никто другой. И тут он заметил: кое-что изменилось. Раньше, вспоминая о погибших товарищах, душу терзали горечь и сожаление. Когда он думал об алчных, упрямых людях, из-за которых всё это началось, его челюсти сжимались а голову

заливала ярость.

Сейчас внутри было только страдание. Тихое, гудящее, но смиренное. Никто не был виноват в том, что заблуждался. Ведь заблуждались все. И он сам. Если раньше это вызывало отчаянное желание что-то менять и править, сейчас в нём разливалась только безмерная, всеобъемлющая любовь. Не та, что кружит голову, а та, что мягко остужает сердца и заставляет их биться в унисон.

— Знаешь, ты поменял что-то действительно существенное. Я думал, что потерял часть себя. На самом деле, я избавился от того, чем никогда и не был.

— Ты уже начинаешь проповедовать, брат Джон?

Мужчина рассмеялся. С одной стороны, это была лишь невинная подколка. Но с другой... теперь он верил в это всем сердцем. И готов был отдать за это свою жизнь.

— Похоже на то, дружище, похоже на то.

Даймова свобода

Пластиковые панели, имитирующие мрамор, были затерты и облуплены. Холодное сияние голых ламп, под стать не приветливости оператора за стеклом, вытягивало последние силы. Тесное помещение было спроектировано с учётом жёсткой экономии и максимального обесчеловечивания.

— В доступе отказано, — без капли сочувствия произнёс голос.

Мужчина в сердцах пнул стоявшую рядом урну.

— Пропуск всего на день просрочен, ну ты же видишь!

Располневшая женщина за бронированным стеклом, с бело-пурпурными волосами, уложенными в растрёпанное гнёздышко, всё так же пусто смотрела на посетителя. Потеряв к нему интерес, она опустила разделительный экран.

— Будь ты проклята... — вырвалось у него, уже без прежней ярости.

Утерев пот со лба манжетом пиджака, латанного кричащего цвета нитками, Волли откинул голову на стену. Слипшиеся волосы завивались, поседевшие пряди рассыпались по вискам и шее. Щетина росла неровными островками, будто его брил подслеповатый пьянчуга. «Не в доступе ты мне отказала, а в сострадании, — подумал он с тягучей грустью, разглядывая носки своих туфель.

— А зайди я сегодня в Дайм, хрен бы лысый я с тобой одним воздухом дышал»!

Он бессильно стукнул кулаком о грязный пол: комбинацию ему-то слили, а то, что проклятый пропуск мог закончиться вообще вылетело из головы!

Дверца открылась, и в кабинку заглянул довольно крепко сбитый, хоть и с округлым брюшком, охранник. Снизу на него глядел выбившийся из сил человек.

— Волли, опять дебош? Вместо того чтобы заняться чем полезным, опять собрался крупье глаза мозолить?

— Полезным?! — На его губах выступил презрительный оскал, — с утра до ночи в терминалы глазеть? Или, как ты, штаны между ног протирать, шатаясь туда-сюда? Вот так польза!

Охранник лишь снисходительно глядел вниз, тихонько цокая языком.

— Ладно, не бери в голову. Просто, этот чёртов пропуск... Я-то знаю комбинацию!

— Откуда это ты знаешь? — Глаза слегка прищурились, охранник нагнулся к посетителю и заговорщицки прошептал, приподняв одну бровь, — Опять на картах разложил?

Челюсти Волли выступили из-под кожи, он яростным взглядом вцепился в насмешливую физиономию охранника.

— Это работает! Если ты такой придурок, что не веришь — твои проблемы!

— Один раз сработало, на годовой абонемент в Дайм. А потом, — страж снова выпрямился. Поднял глаза вверх и приложил палец к толстым, обветренным губам, — раз пятьдесят не сработало? Мне ли тебе напоминать?

— Мать твою, это другое! Я знаю точно! Мне... скажем так: должок один богатей отдал!

Охранник хохотнул и хлопнул себя по пузу. Он сочувственно улыбнулся глядя на Волли.

— Да успокойся уже. Займись чем-нибудь другим. Дайм — это дерьмовое казино, аттракцион для вельмож и дойка прощелыг типа тебя. А один из толстосумов ещё и конкретно над тобой приколотся.

Волли подобрал ноги и, опершись на скрипящую настенную панель, поднялся. Он отряхнул брюки и выставил палец вперёд:

— Я в этой системе быть больше не намерен. Я получу свободу!

— Ты правда веришь богачу? — подняв бровь, спросил охранник. Не дожидаясь ответа, он продолжил, — и что это за свобода? В этих колониях от неё одно название!

Волли прыснул со смеху.

— Торчишь тут целыми днями, в своей вонючей форме и перерывом на обед... а рассуждаешь о свободе, словно что-то знаешь.

— Стабильность, покой и порядок. Меня всё устраивает! Что ещё надо?

— А вот мне надо. Мне нужны деньги и удовольствия! — Волли подался вперёд.

— И это ты называешь свободой? — Охранник криво усмехнулся.

— А что, нет? — Волли вскинул брови. — Жить, как захочется. Не быть рабом, как ты.

Выскочив из кабинки, он раздражённо зашагал по длинному коридору.

Охранник, глядя вслед, лишь пожал плечами и пошёл дальше, по внутреннему кольцу здания, мимо загибающегося полукруга бесконечных серых дверей.

«Элита слов на ветер не бросает! Я своё дело делал чётко. Карты считал, знаки подавал. Да, гарантий не было, и всё равно — вот он, код, у меня! — Волли невольно сжал кулаки, мерно ступая по коридору. — Только почему же так поздно... Я бы уже сто раз его подал! А теперь... один день просрочки! И всё коту под хвост?!».

Белая труба, ведущая от центра Дайма к выходу, казалась бесконечной. Звуки шагов гулко разносились по коридору. Вдруг настенные информационные панели ожили. На трёхмерных экранах вдоль коридора материализовалась сногшибательной красоты девушка-диктор — как раз во вкусе Волли. Он знал, что модель сгенерирована на основе его истории просмотров в сети, и это ему нравилось.

— Почему ты сегодня не в Дайме, Волли? Может, сегодня вновь поймал удачу? Или просто отдохнёшь в баре с подружками? Всё включено, ты ведь знаешь, — она кокетливо хихикнула.

— Проклятый пропуск кончился... — с лёгким отупением ответил он, кося одним глазом на дорогу, вторым на голограмму.

— Тебя там так не хватает! — Девушка щебетала и лучезарно улыбалась. — Приходи, сегодня ведь будет шанс получить билет в свободные колонии! Нужно лишь угадать код, и это вполне реально!

Волли вмиг помрачнел.

— О да... Мне ли не знать.

— Так в чём проблема? Условия ты выполнил. Сколько уже счастливых присоединилось к галактическим пионерам, думаю, тебе говорить не нужно, — девушка подмигнула ему.

— Да я всё знаю! И код я знаю! — закричал он. — Только треклятый пропуск кончился сегодня утром, я не могу войти!

— Так возьми суточный, — перед ним загорелось табло покупки. — А, у тебя совсем нет кредитов... — голос голограммы потух, табло растворилось так же быстро, как и возникло. — Может быть, в другой раз! А лучше, найди способ заработать!

Девушка испарилась, экранные панели втянулись в настенные гнёзда. Волли продолжил свой путь в одиночестве. «Где раздобыть кредитов? — Думал он. — Займовые ячейки? Ему уже не дают. Частные кредиторы или, так называемые, друзья? Тоже...». Он дошёл до двери и перед выходом буркнул себе под нос: — Сальный салун... придется пойти туда еще раз. Последний.

Дверь позади него щелкнула доводчиком, словно одобряя план. Волли вдохнул поглубже суховатый воздух, стоя на платформе. Кремовый купол приёмного отделения Дайма поблёскивал под бледноватым солнцем. Атомные транспортёры, ютящиеся на обрыве платформы, привлекли было внимание Волли, но кредитов было и впрямь не густо, чтобы прокатиться с их помощью. Капсульная труба перемещения неподалёку зияла слегка заплёванным, но вполне пригодным для путешествия салоном. Хоть и займёт больше времени, зато бесплатно.

Он заскочил внутрь, дверцы лязгнули. На всплывшем терминале мужчина ввёл координаты, кабинка сделала оборот и, одарив Волли на прощанье захватывающим видом только-только начинающегося заката, нырнула в тоннель. Чёртовы кредиты. Всю жизнь он вкалывал, чтобы освободиться от этого. Кредиты, кредиты... Сидишь ли за станком, крутишь рулетку, наливаешь пива — всё из-за них. Только когда они есть, тогда нет забот. Волли отрешенно наблюдал за зелёным маячком, отображавшим капсулу на карте. «А когда их нет, то только и делаешь, что паришься, как их раздобыть! — Он отбросил голову на стенку с глухим стуком, — но только не в свободных колониях. Там вся жизнь включена»!

Кабинка остановилась на нужной станции. Небо затянуло тучами, городские фонари островками рассеивали мрак. Волли вышел на безлюдную улочку.

Обветшалые вывески, неряшливо пришпиленные к фасадам, нависали над головой. Сюда приходили лишь те, кто точно знал, куда им нужно.

Волли запахнулся покрепче и, торопливо перебирая ногами, погрузился внутрь квартала. Пару раз его окликали. Знакомые ли, нет — не важно, он торопился в «Сальный салун». Отработать, забрать деньги, попасть в Дайм до конца розыгрыша — всё остальное неважно.

Волли остановился перед грязно-серым бетонным сооружением у проржавевшей на стыках двери. Каким-то образом они знали, когда исполнитель приходит, ещё до стука. Электронный замок мерзко задребезжал, и дверь открылась, стоило Волли лишь занести руку. Едва слышно хмыкнув, он вошёл.

— Ну что, Волли, добро пожаловать! Снова, — под шум захлопывающейся двери, услышал он знакомый голос.

Невысокий, пухленький человек с островком лысины, бликующей от ламп, окружённой длинными засаленными волосами, делавшими его похожим на созревший фурункул, криво улыбнулся вошедшему. Под стать месту, он выглядел слегка разлагающимся и забродившим. Волли кивнул головой в ответ, мужчина продолжил:

— Сегодня есть шикарный вариант побыть грушей для битья, — слегка вылез из-за стойки, — бить будут по... ну, ты понял, — за очень хорошие деньги.

— Нет, спасибо. Одного раза хватило. Есть варианты, после которых я смогу ходить?

— Ты смотри какой переборчивый..., — мужчина опустил голову, разглядывая записи в журнале. С минуту он водил пальцем по страницам в только ему известном порядке, бесшумно шевеля губами, — ладно, есть ещё электрошок на сосках.

Волли резко хлопнул себя по лицу обеими ладонями и медленно потянул их вниз. Нижние веки оттянулись, белки с красной сеткой сосудов встали на место сбежавших вверх зрачков.

— А что ты хотел? — Администратор пожал плечами и описал дугу ладонью над головой. — Здесь платят те, кому очень хочется специфичных вещей. Секции бойскаутов и клуб читателей фантастики к этому числу не относятся, как видишь.

— Фу, мать твою... Вам всем тут лечиться надо.

Администратор поднял брови и произнёс:

— Кто хочет — тот лечится! А кто не хочет — приходит ко мне. — Он слегка улыбнулся, — да, для многих это дикость. Местами, даже для меня. Но есть ли дело, состоящее лишь из приятных моментов?

На Волли это впечатление не произвело. Может быть, он и прав, может — нет. Он был по ту сторону ленточки в этих вкусовых предпочтениях. Но где они были вместе, так это нужда в деньгах. Вот где общий знаменатель.

— Слушай, а можешь занять мне? Мне всего-то нужно на суточный пропуск в Дайм.

— Друг, ну разве я похож на мецената? — Он смерил взглядом Волли. Тот выглядел довольно жалко, и, если бы не профессиональная деформация, он мог бы вызвать у толстячка сочувствие.

Когда-то администратор был единственным исполнителем. Со временем здоровье подупало, а клиентурыросло. Мало кто знал об этом, но Волли каким-то образом пронюхал. Толстяк вздохнул, потёр слегка вспотевший лоб.

— Эти дни я в полной заднице, Волли. Так тебе скажу: мне очень надо, чтобы ты взял заказ, так как иначе самому придётся. А я, знаешь ли, уже насытился этим всем... Я больше люблю в нарды играть и японскую порнографию старых времён из кубиков доставать. Но кушать надо.

— Ладно, давай электрика. Выпивка есть?

— Как всегда. Давай, настраивайся.

Волли вошёл в бар по левую руку от администраторской стойки. «Ещё один раз. И больше не придётся, — он взял бутылку водки, уже наполовину опустошённую. На горлышке красовались следы чьей-то вульгарно-красной помады. Следуя примеру, он приложился к стеклу. — В свободных колониях деньги мне уже не будут нужны, чтобы вести настоящую жизнь».

— Шестая комната! — донёсся крик с администраторской стойки. — Клиент минут через пять-десять будет готов. Так что сильно не увлекайся.

Волли, опустивший было бутылку, вскинул её и сделал ещё залп и вышел к комнатам. Он приблизился к двери, возле шестёрки кто-то криво нацарапал ещё две. Он пьяно ухмыльнулся и вошёл.

Пол комнаты был из мягкого, прорезиненного материала. На стенах топорщились выдвижные балки с разнообразными ремешками, цепями и зажимами. Приглушённое освещение сглаживало кричащий контраст. Посередине комнаты стояло кресло с уже подведёнными клипсами. Ремешки на рукоятках и ножках кресла, довольно стёршиеся, приглашали Волли к объятиям. Напротив него стояла кушетка — выглядела та явно дороже, чем весь репертуар комнаты вместе взятый. Бархатный, пурпурно-лиловый сатин обволакивал подушки.

— Она дама со вкусом. Даже личную лежанку привозит — брезгует моими, — донёсся голос за спиной Волли.

Администратор бесшумно приблизился к нему.

— Она? — Волли глупо улыбнулся. Он уже и забыл, что его место не на диванчике. Алкоголь начал рисовать ему альтернативные сценарии.

— Да, клиент — женщина. Но тебе разницы никакой. Присаживайся на трон, — он кивнул в сторону ждавших его ремней, — подключим.

Настроение поулеглось, но с тем же и пришла мысль, для чего он здесь. Волли плавными движениями приблизился к креслу и ухнул вниз. Администратор

опустился на колени и начал пристёгивать его ноги.

— Снимай рубашку.

Тот послушно стянул одежду и кинул рядом с креслом. Администратор тем временем поднялся и пристегнул кисти Волли. Затем взял клипсы, висящие на тонких прутиках проводов из-за спинки кресла, и прикрепил их к мочкам ушей и соскам.

— Фу...

— Фу — это твой запах, дружок.

Толстяк выудил из-за пазухи небольшой пульверизатор и пшикнул несколько раз на Волли. Затем достал чёрный мешок и набросил ему на голову.

— Это что такое?!

— Клиент не любит маски, но любит анонимность.

На этом администратор встал и вышел, закрыв дверь. Вскоре дверь у зеркала скрипнула. После Волли услышал, как натужно охнула под весом кушетка.

— Ты любишь, когда тебя бьют? — спросил глубокий голос.

— Не очень, откровенно говоря.

Грудь Волли дрогнула от электрического жала. Внезапная боль вспышкой отдалась в голове, залив ярким блеском глаза. Волли зойкнул, левая часть корпуса онемела на мгновение. Он захотел домой, алкогольная дымка только усилила жалость к себе.

Послышались щелчки переключателя. За ними последовал разряд, уже более гуманный, но сердце Волли беспокойно трепыхалось. Теперь больше болело от ситуации, чем от физического дискомфорта.

— Я постараюсь не слишком тебя портить, голубок Но свой корм придётся отработать.

За этим последовал ещё один удар тока. Волли дёрнулся всем телом. Ещё удар, он вздохнул, сознание ушло внутрь его головы. Где-то на фоне он услышал ритмичные, чавкающие звуки. Ему захотелось вырваться. Водка просилась наружу, но он сдержал позыв. Ещё удар, он вскрикнул.

— Вот так...

Чвяк. Удар. Хлюп. Стон. Волли орал. Грудь, шею и голову он уже не ощущал — из состояния онемения их выводили лишь новые разряды тока. Уханье женщины на фоне приобрело угрожающе-торжественный оттенок, удары слились в один бесконечный ожог. Сознание ускользнуло, Волли пришел в себя потеряв счёт времени. Тело саднило, однако шевелить им он не мог. Над ухом раздался голос администратора:

— Сейчас приедет скорая. Прости, не знал, что так получится. Кредиты и чаевые на твоём счету. Я попросил докторов поставить тебя на ноги как можно скорее — услышал, что у тебя есть шансы попасть в колонии. Ах, чего же ты мне не сказал? Да, хотя, я бы и не поверил...

Среди непроглядного болота в мыслях проклюнулся блеск момента перед

отключкой: клиентка визжит вовсю, он блюёт. Боль уже не ощущается, как и тело в целом. Женщина приподнимает мешок со рта, давая путь к воздуху, и кричит в коммутатор, чтобы администратору срочно явился. После, она с придыханием произносит: «Это же один из их пёсиков!». Застучали ногти по экрану коммутатора — она кому-то набирала.

— Алло, ты представь, я здесь нашла потерявшегося свободника! Развалился прямо передо мной.

Зашуршал голос в трубке. Она говорила с кем-то.

— Да не важно, где „здесь“, — слегка стушевалась женщина. — Главное, что я его нашла!

Собеседник вновь энергично затараторил.

— Остынь, — остановила она встречный поток. — Сейчас его отправят в больницу. Я скину адрес, дальше сам думай.

Крепкие руки поднимают Волли с кресла. Желудочный сок слетает с его пуза на колени, тряпичное тело кладут на носилки. Волли вновь проваливается в темноту. Из-под повязки на миг пробился приглушённый свет лампы, прежде чем веки схлопнулись.

«Пик, пик, пик», — монотонная капель возвращает его в сознание. Вокруг уже не стены салуна, но больничная палата. Первым делом, он бросает взгляд на часы, что мерцают над входом. У него есть ещё час до розыгрыша. Волли пробует опустить ногу с кровати, однако сил практически нет. Жалкий шорох под одеялом — это всё, на что его хватило.

Фрагменты воспоминаний вновь догоняют его. «Свободник? Не в Дайме?» — Волли в полнейшей дезориентации пытается связать всё воедино. Голова, и без того идущая кругом, тоскливо зазвенела. Он осмотрелся вокруг: рядом мерно гудели аппараты жизнеобеспечения, за окном перекачивались тучи. Он понемногу приходил в себя. Недавний ужас постепенно всё больше и больше обрастал полнотой, Волли поморщился. Руки уже потихоньку двигались, но дикая слабость никуда не делась. «Ладно, плевать. Наверно, я такой не один. Значит, они искали меня — подумать не мог, что им не всё равно. Но как я, в таком состоянии, смогу попасть в Дайм?» — Волли приподнял руку над одеялом, та худо-бедно послушалась, но умоляла вернуть её назад. Он сжалился.. Он прикрыл глаза и расслабился. Вдруг, лёгкий ветерок тронул его вспотевший лоб. Он приоткрыл веки и увидел, как дверь больничной палаты бесшумно отворилась. Внутри вошёл высокий, худощавый человек. Скучающий, но в то же время цепкий, оценивающий взгляд за долю секунды пробежался по комнате и остановился на Волли. Одежда мужчины — джинсы и чёрная футболка со слегка выцветшим изображением — давали понять, что он не из больничного персонала.

— Ты кто? — тихо, с ноткой неприязни произнёс Волли.

— Кролл. Я работаю на элитных клиентов Дайма.

— Прекрасно. Давай-ка вытаскивай меня отсюда и вези в казино.

Мужчина покачал головой, подошёл к больничной койке и притянул стоящий рядом стул. Присев рядом с Волли, Кролл взял пульт от телевизора и включил трансляцию розыгрыша. На сцене стояли счастливики, а за ними маячил выигрышный код. «Не обманули! Код правильный! Я мог выиграть!» Словно читая его мысли, мужчина, натянуто улыбнувшись, подтвердил:

— Ты мог стать победителем.

— Я мог стать свободным! — прохрипел от напряжения он.

Кролл запустил руку в карман и выудил терминал.

— Посмотри-ка сюда.

На экране стройными рядами лежали тысячи людей, обвитые трубками и проводами. В некоторых из них Волли узнал жителей свободных колоний. С одним из них он даже был знаком.

— Это же Эд! — Он ткнул куда-то на экране, — он мне в прошлом месяце свою яхту показывал!

— Не он, его цифровая копия. Колонии — просто симуляция. — Он потряс экраном, — это всё ненастоящее. Кроме накачанных раствором, бездушных тел.

— Ты врёшь. Зачем так делать?

— Как зачем? Вами поигрались, сделали банк. Вы узнали слишком много, вам пора на покой. Как говорят заказчики, «в утиль», но я этот взгляд не разделяю.

— А тела? Эд ведь жив, да?!

— «Победители», фактически, не мертвы — мои клиенты, заядлые игроки Дайма, чисты перед законом. Всё выглядит как жест доброй воли, в детали реализации никто не вникает. Свободники подписывают бумаги, не вникая в формулировки, — Он потёр переносицу, прикрыв глаза. Слабый смешок выскочил из его рта, — Забавно и грустно, как фраза «подпись — просто формальность» сводит на нет любые вопросы.

Он подвинулся к нему поближе.

— Я пришёл дать тебе свободу. Настоящую. Но сперва мне хотелось рассказать тебе о той иллюзии, к которой ты так отчаянно рвался.

— Настоящую свободу?

Мужчина кивнул.

— Тебе не придётся ни перед кем больше унижаться, никто не будет играть с тобой, даже если захочет. Кредиты? Грязь. Удовольствия? Жалкая зависимость. Я освобожу тебя от всего мусора. Чистейшая, неподдельная свобода.

Щёки Кролла слегка окутались румянцем, ноздри заходили чуть шире обычного. Взгляд стал мягче, в то же время словно прошивая Волли насквозь. Видно, что Кролла и правда радует тот факт, что Волли избежал судьбы живого трупа.

— Если ты работаешь на этих ублюдков, то как... о какой свободе ты говоришь? Если они хотели сделать меня, — он поморщился и дёрнул рукой в сторону терминала, — этим... Как ты собираешься мне помочь?

Кролл продолжал смотреть ему в глаза немигающим взглядом. Сердце, и без того бывшее на пределе, тягучим комом задёргалось под рёбрами. У Волли выступили слёзы: он понял, что Кролл замышляет на самом деле.

— Не убивай меня! Я люблю жизнь!

— Жизнь? — Его подбородок взлетел вверх, лицо повернулось так, что лишь один глаз с приподнятой бровью взирал на Волли. — Погоня за мусором, который ты до сих пор считаешь чем-то важным? Даже сейчас, на пороге смерти? Ты хоть вспомни, из-за чего здесь оказался! Жизнь... — Кролл опустил голову, на устах играла усмешка-оскал, — ты так долго гнался за свободой, всю свою, так называемую, жизнь. А теперь отказываешься?!

— Смерть — не свобода! — губы Волли поджались, уголки резко врезались в щеки и ушли вниз. Влажные глаза стянулись к переносице, полные боли и надежды.

— Самая что ни на есть, — возразил тот. — Мне ли не знать? — Он задрал голову, и на шее побагровел длинный, тонкий шрам, тянущийся через всю глотку. — Я был на той стороне. Они спасли меня, чтобы я дальше был полезным инструментом, — его губы едва заметно изогнулись, — именно это и умерло.

— Так если это свобода, почему ты ещё жив?

— Теперь я свободен и здесь, — неожиданно тепло улыбнувшись, ответил Кролл. — Следующая смерть будет просто переходом.

— Но я хочу жить! Может быть, я тоже научусь!

— Нет, не научишься. Ты хочешь жить, но обречён страдать. Я здесь, чтобы помочь, в этом моё предназначение. Раньше я делал свою работу, потому что мне нужны были деньги. Теперь я делаю её для того, чтобы бедолаги вроде тебя не страдали больше, чем нужно.

Глаза Кролла блеснули, он откинул переносной терминал и достал шокер. Волли попытался поднять руки, но был чрезвычайно слаб. В телевизоре зазвучали овации — победители подписывали контракты на переезд в свободные колонии, утопая в конфетти. Аппаратура жизнеобеспечения сменила прерывистый такт на чрезвычайно быстрый и тут же на ровный, монотонный писк. Кролл сдёрнул датчик пульса с руки Волли и разрядил шокер ещё раз. Теперь реакции не было никакой. Он выдернул шнур питания аппаратуры и в опустившийся тишине смотрел на остекленевшие, упершиеся в экран телевизора глаза Волли. Он положил руку ему на щеку, словно старому другу, а после бережно прикрыл веки мертвеца. Перед тем как уйти, Кролл наклонился и кротко приложился холодными к остывающей кисти Волли.

— До встречи, — тихо прошептал он.

Ласточка

В таверне пахло протухшей рыбой и несвежим элем. Людей было немного: то тут, то там по углам сидели постоянные клиенты, уткнувшись лицом в стол.

Трактирщик, меняя свечи, стоял на стремянке под потолком.

Дверь в заведение натужно, словно нехотя, отворилась. Свежий воздух разбавил застоявшееся амбре. Из-под просмоленного капюшона вошедшего, скрывающего лицо, виднелись мокрые белесые волосы, прилипшие к ткани плаща на груди.

Трактирщик покосился было вниз, чтобы рассмотреть гостя, но стремянка вдруг опасно покачнулась. Хватая воздух пальцами, мужчина начал падать.

Посетитель, казавшийся уставшим и неповоротливым, в мгновение подскочил и подхватил лестницу, вернув ей устойчивость.

— Чёрт тебя бы драл... — выплюнул спустившийся трактирщик, уперевшись ладонями в колени. На лбу блестели крошечные бусинки пота. Он поднял глаза на мужчину. — Лестницу, мать её, дерьмовую кучу... А для тебя найдется и хорошая выпивка, и кусок мяса.

— Приятно слышать. А ночлег? Недолго, до рассвета.

— Можешь лечь в хлеву, если хочешь. Только не воруй кур, — трактирщик потряс мясистым кулаком. — А то я тебе!

Гость улыбнулся и протянул медяк. Глаза коренастого мужичка прищурились, он кивнул в сторону лестницы.

— Не свернутой шеи хватит!

Тут он заметил шрамы на запястье странника: три параллельные полосы поверх круга. Лицо трактирщика вытянулось, он возбуждённо всмотрелся под капюшон.

— Да ты же...

Ладонь мягко сомкнулась над монетой и молниеносно переместилась к потному подбородку трактирщика. Его челюсть прижалась кверху, а зубы тихонько клацнули.

— Ты знаешь, кто я, и я знаю, кто я. Остальным не обязательно, — гость лихо пустил монету между пальцев перед лицом трактирщика. — Это плата за молчание. Хотя бы ненадолго.

Тот с готовностью кивнул.

— Конечно! Деньги лишними не бывают, — он покосился на монету, — но мне бы поговорить с тобой, Бр... — на миг он запнулся, зыркнув по углам. — Братская душа.

— Есть у тебя место, где можно спокойно поесть?

— Знаешь, к чёрту хлеву! Можешь переночевать у меня, — он ткнул пальцем вверх. — Спать хоть и на досках, но в тепле и сухости. Там и перекусим.

Мужчина удовлетворённо кивнул. Он знал, что был особым трофеем в списке королевы. Не целиком — головы бы хватило. Бывший гвардеец не разделял её взгляды, скрытно перемещаясь внутри королевства. У него неплохо получалось, но иногда приходилось доставать нож.

Трактирщик увлёл посетителя к стойке. Хмурые взгляды из-за столов с вялым интересом двигались вслед.

— Чорби, кончай вылизывать богатеев. Твоя основная выручка — это я, — бросил мужчина, сидевший за одним из столов в затемнённом углу, а после расхохотался.

Космы грязных волос мокрой паутиной прилипли ко лбу и носу. Клочковатая борода неуклюже огибала шею.

— Жду дня, когда твоя гнилая печень развалится.

— А на что ты жить-то будешь? Тащи-ка эля... да поживее.

Трактирщик поджал губы и повёл Брайта дальше. Они зашагали по деревянной лестнице. Низкий потолок был закопчен свечами, а узкие стены едва умещали самого Чорби. Наконец, он пнул дверь и впустил гостя в комнату.

— Что ты хотел узнать, Чорби?

Чорби многозначительно глянул на мужчину.

— Дай сперва приготовлю ужин и обслужу пьянчуг. Там и поговорим.

— А что с тем пьяным псом? Нужна помощь?

— Что?! — Чорби ухмыльнулся. — Да ну, житейское дело. Бывший стражник... если и пёс, то беззубый. — Он провёл рукой вокруг, — располагайся.

Комнатка была небольшая, но чистая, и, главное, сухая. Подсвечник захлебнулся расплавленным воском, растекшимся далеко за подставку по крепко сбитому столу. Под ним стояла пара бутылок — запрещённый короной товар. Брайт уселся на кушетку, стоявшую напротив. Под светом дрожащей свечи он увидел на стене портрет. Девушка лет шестнадцати, довольно миловидная. Он с тоской отвёл взгляд, стиснув челюсти — она напомнила ему его девочку.

На столе лежала кипа бумаг. Брайт подошёл, чтобы рассмотреть их поближе.

Оказалось, трактирщик рисовал.

«Хм, неплохо. Портрет на стене, похоже, его рук дело, — он взгляделся в изображённое лицо. — У неё явно подбородок отца».

Брайт скинул плащ. Нос поморщился от запаха влажной ткани и пота, заполнивших комнату. Хотелось смыть с себя недельную грязь, но сейчас было не до этого. Королевский лагерь был в двух лигах от него. От этой мысли Брайт неосознанно сжал кулаки. В эту игру можно играть вдвоём.

Дверь приоткрылась, и, проталкиваясь боком, вошёл трактирщик. В руках у него был казанок с пышущей жаром и пряной юшкой. На плече — торба с ломтем подсохшего хлеба, а на другом покачивался бурдюк вина. У Брайта свело желудок от умопомрачительного запаха еды, он поблагодарил Чорби и сел за стол.

— Я знаю, что правда на твоей стороне. Она забрала и мою девочку тоже, — хмуро кинул трактирщик.

Он глянул на рисунок, припиленный к деревянной стене над столом. Щёки Чорби слегка задрожали, а веки увлажнились. Стакан с вином в руках трактирщика дёрнулся, выронив алые капли.

— Прощу тебя, отомсти за них, — слизывая с руки пролитое вино, угрюмо закончил он.

— То есть ты знаешь...

Чорби кивнул. Он рассеянно смотрел перед собой. На веках проступили небольшие капельки слёз, он смахнул их с раздражением.

— Один напившийся гвардеец трепался тут, что быть избранной вовсе не привилегия! — Огоньки бессильной злобы завязались в слегка выпученных глазах. — Королева собирает прелестнейших дочерей королевства, — продолжал Чорби. Его голос сочился яростью. — Путь наверх, жизнь при дворцах... ага... грязная чернокнижница!

— А ведь я слышал об этом. Но не верил... пока беда не постучалась в мою дверь, — опустошённо произнёс Брайт.

— Ах ты ж сукин... — трактирщик остановился на полуслове. Его глаза наполнились отвращением. Спустя мгновение он взял себя в руки. — Да и какая разница? Кто тебе поверит, предателю короны?!

Чорби покосился на запястье Брайта. Круглый шрам ставили калёным железом вечным слугам престола. Три полосы сверху означали, что вечность закончилась.

— Но ты ведь веришь!

— Верю... — Лицо трактирщика напоминало сдавленный лимон. — Позже вечером проболтавшийся вояка висел на ветке рядом с другими посетителями... хочешь не хочешь, а поверишь! Моя Дори, — его лицо передёрнуло, — уехала с экипажем. А не засядь я в кустах из-за скисшего пива, — он неопределённо покрутил руками, — понимаешь, о чём я... не говорил бы с тобой сейчас. Брайт кивнул и слегка сжал плечо трактирщика. Тело того скукожилось, он уставился на дверь немигающим взглядом. Мгновенье спустя Чорби пришёл в себя и приложился к бокалу. Вино было сладким, однако морщинистая гримаса не покидала лицо трактирщика.

«Да, она поглощает их, — носилось в голове у Брайта. — Выдавливает жизнь, словно сок из фруктов. И всё ради вечной молодости, вечной власти».

— Брайт, я знаю, ты хочешь убить её, — посмотрев в глаза собеседнику, сказал трактирщик. — Сделай это, прошу. Моё солнышко, Дори... — он уткнулся лицом в ладони, коротко всхлипнув.

Брайт понимал его как никто другой. Радостное, вечно смеющееся лицо Лиры, его дочери, всплыло в памяти.

— Месть? — задумчиво произнёс он и уставился на шрамовые полосы, — я

бросил эту затею после зачёркнутого круга. Этим не вернуть мою девочку... Теперь я часто вижу её во сне — всю залитую светом, да и сама словно соткана из него. А иногда я даже чувствую её руки на моём лице... Но не ради мести я иду по стопам ведьмы.

Трактирщик поднял голову. Ну да, конечно, не ради мести. А ради чего же тогда?! Его покрасневшие глаза буравили Брайта.

— Это свинцово-холодное, отдающее металлом в горле ощущение, — продолжил бывший гвардеец, — ты, наверное, утопаешь в нём?

Чорби поджал губы. Не было ни дня, когда он не желал смерти королевы, не изводил себя желанием отомстить, смешанным с бессильной яростью. Но почему сейчас ему стало... неловко, что ли?

— Да, ты живёшь этим — ярость даёт тебе сил. Дает смысл... До тех пор, пока не понимаешь, что не слепая злоба твоё топливо, а наоборот.

Брайт тяжело выдохнул и опёр голову на ладонь.

— Я горел идеей заставить ведьму страдать. Лира становилась просто предлогом для бойни, что я готовил. Огонь ненависти начал съедать её лицо, стирая всё то, чем она была, превращая в одну причину для мести.

Чорби слушал его, широко раскрыв влажные глаза. Брайт пересказывал то, что крутилось в его внутренностях месяцами. Только он даже не рассчитывал, что сможет отомстить. Это убивало ещё сильнее.

— Тогда Лира пришла ко мне, — Брайт поднял голову и сцепился взглядом с трактирщиком. На секунду Чорби показалось, что зрачки его сменили цвет. — Я видел её так же ясно, как вижу тебя. Лира смотрела на меня и, как всегда, тепло улыбалась. «Я люблю тебя, папа. Но делай это не ради меня. Ради остальных малышей, ещё живых», — вот о чём она попросила.

Некоторое время они молча продолжали глядеть друг на друга. Шмыгнув носом, Чорби качнул головой.

— Говорили мне, что ты сумасшедший...

— Лира была единственным светлым пятном в моей жизни. Если для тебя это сумасшествие, что ж... для меня это смысл. Я не буду мстить за мёртвых, но спасу живых, — белки Брайта засветились. — Сколько душ ведьма ещё может забрать? Я умру, но не дам ей возможности. Это наш долг.

Трактирщик нахмурил лоб. Он уже сбился со счёта, сколько он варился в собственной желчи. Даже не замечал, как едкость стала привычной частью его жизни. А сейчас, внезапно, он вновь ощутил её инородность.

Он вспомнил тот день, когда услышал сплетни про Брайта. Тогда почувствовал что-то гадкое, едкое, но такое тёплое. «Даже именитый гвардеец бессилён». А теперь он здесь, перед ним. И, вроде бы, несёт какую-то чепуху, но Чорби увидел мир его глазами. Такая уж ли чепуха? Где-то внутри что-то ожило. Трактирщику стало неловко за свой выпад минутой ранее, он неуверенно заёрзал на стуле.

— Ты хорошо рисуешь, — Брайт решил разрядить обстановку. — Где-то учился?

— Самоучка, — отвлекшись от накативших мыслей, ответил трактирщик. — Но с головы не могу — только с натуры.

Чорби встал и подошёл поближе к гостю, отодвинул тарелки и разложил рисунки. Пейзажи и портреты, выполненные карандашом на не совсем ровных листах бумаги, были удивительно чётко прорисованы. Несомненно, у Чорби есть талант.

За окном послышался приглушённый стук копыт. Трактирщик было двинулся к лестнице, но Брайт схватил один из портретов и притянул поближе к лицу. Мускулы напряглись, а взгляд стал острым, словно кинжал.

— Где ты рисовал этого человека?

— Этого? — Чорби хлопнул себя по ноге и хохотнул. — Да это ж тот самый прощельга, с которым ты собирался мне помочь. Когда выбрит и умыт — совсем другой парень, не так ли? Вот я и решил зарисовать.

— Королева осторожна... А ты и правда везучий. Он один из её лазутчиков — видел его при дворе... Думаю, что пасёт трактир. — От удивления у Чорби слегка приоткрылся рот. В комнате на пару секунд повисла тягучая тишина. — Возможно, ведьма думает, что ты можешь что-нибудь замышлять... а может, ты интересен чем-то ещё.

— Так, может, убить его наперёд? — прошептал трактирщик.

— Зачем? Если он всё понял, то надо бежать. Если нет — то тани с него деньги дальше. — Взгляд Брайта скользнул на дверь. — Он ещё в таверне?

— Да, я буквально полчаса назад поставил ему пару кружек.

— Пойди-ка проверь.

Лицо Чорби излучало страх и азарт. Он вышел из комнаты. Лесенка, ведущая в зал таверны, тяжело заскрипела. Брайт глянул на прикрытую дверь, рука потянулась к ножу, торчавшему из голенной кобуры. Воздух стал удушливым, тревога холодными пальцами пробежалась по загривку.

Ход времени исказился. Брайт не мог сказать, сколько он просидел в ожидании. Приход Чорби назад стал для него неожиданно быстрым.

— Отряд стражи сидит внизу, будто бы на кружку эля. Но я вижу, что они здесь не просто отдохнуть, — Чорби покосился на дверь. — Пора делать ноги. У меня есть тайный ход для контрабанды, — он ткнул куда-то в угол комнаты.

Брайт заметил едва выделяющиеся доски, за которыми темнел проход.

— Быстрее!

Прикреплённый к стене портрет внезапно оторвался и мягкими, широкими волнами полетел вниз. Дуга за дугой, он, раскачиваясь, опускался, пока не лёг у сапог Чорби. Снизу донёсся лязг доспехов и оружия — отряд стражей стал ломиться вверх по лестнице. Мужчины подскочили было к двери, и пока трактирщик возился с потайным замком, Брайт обернулся.

«Чёрт, у нас не выйдет уйти», — мелькнуло в его голове, а в груди разросся липкий ком.

Чорби был сосредоточен на замке. Брайт же заметил мелькающие тени на потолке в проходе. Он выругался и выскочил к ним с ножом наперевес. В его лице читалась небольшая нотка сомнения, но та была вмиг сметена мрачной решимостью. Он махал лезвием, отпугивая первого стражника.

— У них лошади и, наверняка, псы. Обоих схватят. Я их задержу, — он обернулся к Чорби. — Тогда у тебя будет шанс.

На миг в проёме показался шлем. Брайт пнул стражника, а тот, теряя равновесие, полоснул его мечом по плечу. Страж покатился вниз, увлекая зазевавшихся сзади. Из Брайта сочилась кровь, но решимость, излучаемая им, была почти осязаема.

— Ты продолжишь наше дело.

Чорби схватил портрет и остановился в тайном проходе. Он бросил взгляд на отбивающегося Брайта, но там было что-то ещё. За спиной товарища, в воздухе, будто сотканные из лунного света и теней, проступили фигуры двух девушек.

Чорби оторопело застыл. Дымные силуэты набирали резкость. Девушки держались за руки, а одна из них... что, Дори?! Чорби подумал, что от страха ему стало видаться то, чего не существует. И тут Дори протянула к нему руку — на ладони было то самое родимое пятно в форме ласточки. Это точно она...

Трактирщик тряхнул головой — наваждение пропало. Однако в голове шёпотом раздался мелодичный голос: «Спасайся, папа. Чтобы спасти других. Мы поможем тебе». Он ошалело уставился на Брайта. «Что, чёрт возьми, происходит?!»

— Теперь ты знаешь, что я не сумасшедший, — не оборачиваясь, кинул ему тот.

— Беги же! — Он бросил на трактирщика взгляд, полный боли.

Трактирщик захлопнул дверь и пустился вниз. Дверь вернулась на место, слившись со стеной.

Один из стражников сумел протиснуться вплотную к Брайту. Громила ухватил Брайта за горло и без особых усилий приподнял над полом. «Кончай барахтаться, ублюдок», — тяжело дыша, прохрипел он.

Брайта обдало тухлым воздухом из его рта. Кожа на лице покраснела, проступили крупные вены на висках и лбу. Он запустил руку в один из рукавов, и в его ладони заблестело длинное, стальное шило. Стражник, увлечённый своей силой, заметил манёвр лишь когда игла пробила его глаз.

Потеряв равновесие, тот бросил Брайта на пол, а сам, плеща кровью из изувеченного лица, глыбой ухнул вниз. Лязг налетающих друг на друга доспехов и сдавленные крики стоявших позади дали Брайту новый запал. Через груды тел и доспехов карабкались другие стражники. Дыхание Брайта восстановилось, он поднял нож с земли и приготовился встречать следующих.

Пробежав по лестнице и завалив проход, Чорби пробирался в сырой темноте, ведя по стене рукой. Контрабанда в очередной раз спасала его жизнь. Но теперь она, как и трактир, были в прошлом.

Брайт, отбивая выпады меча, уклонялся от бросаемых в него камней и бокалов. Проход был настолько узок, что делать это было практически невозможно. Разве что войти в комнату... но тогда стражи просто сметут его.

Одна из кружек ударила его прямо в лоб — мир превратился в яркую россыпь звёзд. Брайт не заметил подкравшегося снизу копья — левое подреберье проглотило металл, из него хлынул алый ручей. Тело взорвалось болью, он закричал.

«Вот и конец», — пронеслось в угасающем разуме Брайта. Он почти потерял сознание, как вдруг боль отступила, а из раны по всему телу раскатами запульсировало обволакивающее тепло. Ясный, мелодичный голос Лиры прозвучал в его голове: «Конец — новое начало. Мы скоро встретимся!» Он улыбнулся в последний раз... и навсегда.

Едва слышимый отголосок крика раненого донёсся до уха Чорби, он ускорился. В руке был зажат портрет Дори, слетевший со стены. Единственное, что он взял с собой. Каждый день он горько тосковал по дочери. И только сейчас осознал, что больше он ничего и не делал. Только сжигал себя изнутри.

Брайт же... да, он рыцарь, а Чорби-то кто? Пузатый наливайка? Эта, уже ставшая привычной, мысль сейчас только разозлила его. Он стукнул кулаком по влажной, земистой стене. Месть... да, королева заплатит. Но теперь суть долга совсем в другом.

Неровная канонада тяжёлых шагов и ругательств эхом побежала по проходу. Чорби, уже порядком уставший, побежал ещё быстрее. Сбивчивое дыхание вторило глухому стуку ног об утопанную землю. Он вёл рукой по стене, сдирая кожу и больно ударяясь о балки, которые сложно было заметить в темноте. Наконец, его запястье зацепило то, что он искал — рычаг. Чорби победно воскликнул. Он всегда с сожалением думал о том, что проход придётся завалить, но только не теперь. Его рука легла на рукоятку, оглушающий грохот падающих булыжников заполнил пространство. Чорби рухнул на пол, переводя дух. Его затылок уткнулся в сырую землю. Трактирщик смахивал пот, что так и норовил пробраться в глаза.

«Но что ты сделаешь? Ты же слаб. Ты жалок и бесполезен», — вновь подтачивал внутренний голос.

— Черта с два, — бросил он в пустоту.

Он встал и побежал дальше — до скрытого лаза в лесу было не близко. Где-то в коридоре прозвучал девичий смех, он ощутил лёгкое касание пальцев у себя на щеке. Дори была в той комнате, между ним и Брайтом, он уверен. Чорби с любовью посмотрел на портрет и сунул его за пазуху.

— Пап... — он снова услышал Дори. Её голос отдавался от стен, угасая в тёмном туннеле. Он чувствовал, что жизнь начинает крутиться по-новому. Он больше не Чорби, не трактирщик, не мститель, не горемыка. Он отец. Он

защитит и спасёт. И пусть он уже никогда больше не увидит восход своего солнышка, зато не даст закатиться сотням других солнц.

Дно

— Сегодня будет интересный вечер. Последний шарик остался... Надеюсь, хоть кого-то встречу до заката, — прокряхтела старуха себе под нос.

Она уселась на асфальт, провожая убывающее солнце. Лучи играли в кустистых бровях, отбрасывая причудливые тени на дно глубоко посаженных глаз. Одежда на женщине была странной: салатовый спальный комбинезон и носки, обросшие засохшей грязью. Вещи, как и спутанные белесые волосы, были в пыли.

— Бабуля! — окликнул старуху худой, бледный мальчишка лет пятнадцати. Его тощие конечности делали фигуру похожей на огородное пугало. — Я в игре! — хихикнул он и начал дурашливо ходить взад-вперед на выпрямленных ногах. Она резко подскочила. Взлетевшее облако пыли не успело осесть, как старуха оказалась рядом с мальчиком и подхватила его на руки.

— Неизвестно, стоит ли оно той радости. Как зовут? Вспомы есть?

— Филли... — паренек вопросительно глянул на нее.

— У тебя должен быть мешок.

Тот энергично мотнул головой и сунул руку в карман шорт из обрезанных джинсов. На раскрытой ладони лежал серый хлопчатый мешочек с заклепкой.

— Это они?

— Да, — слегка дёрнув уголками губ, ответила женщина. — Плакал сегодня, засранец?

Улыбка вмиг слетела с его лица. Он уставился на старуху, в глазах читалось напряжение. Она что, каким-то образом следила за ним?

Женщина расхохоталась, ее тело затряслось вместе с пареньком на руках.

Выдохнув, она поставила Филли на землю.

— Вспомнила свой первый раз — я знатно ревела! Мама сказала, что отдает меня соседям, — старуха смотрела безумным взглядом на парнишку и жевала губы. — Она визжала, что я не ценю ее, брызгала слюной. А после вытолкала меня за дверь! — Глаза бабки вновь обрели осмысленность. — Но его я уже проиграла, не волнуйся. А у тебя какой, расскажешь?

— Не хочу, — сунув руки в карманы и угрюмо смотря, ответил Филли. — Я знаю, что это секрет.

— Так ты уже знаешь! А чего же делаешь вид, что не в курсе о вспомах? Что-то задумал, малец?

— Ничего я не задумал, — щеки мальчугана дрогнули, — я просто не знал, что они так называются. Но как вы догадались, что я плакал?

— Достань то, что в мешке.

Филли раскрыл свой мешочек и, засунув внутрь пальцы, выудил пару шариков.

Один, молочный, соскользнул обратно, но другой остался в руке. Тот обжигал холодом пальцы, был стеклянно-прозрачным, изрядно потемневшим. Внутри вяло переливались сгустки, заполненные чем-то вроде нефтяных хлопьев. Легкие волны вздыбились на лбу Филли. Взгляд мальчишки потерянно забегал, губы искривились в гримасе. Он быстро вынул руку из мешка и ошалело посмотрел на старуху. Та сострадательно улыбнулась.

— Это игровой вспом, — промурлыкала она. — Мерзкий, отвратительный. С него всё начинается.

— А белый? Это добрый вспом, да?

— Сейчас не время для него, — отмахнулась женщина, — солнце почти село. Лучше уж один из нас проиграет, чем мы оба отправимся в Зону.

Лицо старухи побледнело. Щеки, и без того натянутые на скулы, впали внутрь. Она посмотрела на мальчишку полными грусти и обреченности глазами. От гнетущего молчания Филли попятился.

Дрожащим голосом он сказал:

— Но ведь, даже если проиграть... я вернусь назад, в жизнь!

— Если тебя выбрала игра, то твоя жизнь тут, — покачала головой старуха. — Там ты появляешься лишь затем, чтобы родить новые воспомы.

— В чём же смысл? Как здесь победить?

Женщина рассмеялась так, что аж ухватила за живот.

— Победить? Я думаю, только если умереть. А так... чем меньше ты бывал в Зоне, тем больше ты победил.

— А я вообще не хочу играть! — Филли бросил мешок на пол. — На кой мне воспомы?

Собеседница выудила шарик из своего мешочка и закатала им между пальцев.

— Если ты не будешь играть, они сыграют тобой. Да, будешь держать шары — они испортятся, разорвутся у тебя в мешке! Сперва высосут из тебя всё... и кинут в Зону! А после всё по-новой.

— Я их просто возьму и выкину! Или сожгу!

Старуха подошла к люку, зиявшему в земле рядом, жестом приглашая мальчишку осуществить задуманное. Тот, недолго думая, пнул мешок вниз и вызывающе уставился на женщину. Та лишь грустно ухмыльнулась и кивнула головой на карман мальчика. Оттуда торчал тот же мешок. Мальчуган ошалело поднял его перед собой.

— Давай сыграем.

— А я... могу выиграть?

— Можешь, конечно. Как и я, — бабка кивнула головой в сторону садящегося солнца, — наши шарики просрочатся на закате. Сыграем — и это освежит вспом победителя еще на несколько дней. А нет... обоих заберет кошмар.

Подросток достал шар и положил на ладонь. Желудок закрутился, выдыхаемый воздух застрял на полпути. Он держался изо всех сил, но по щекам побежали

скупые ручейки.

— Ладно, Филли, время играть! — Старуха сжала свой шар и наотмашь ударила по вспому мальчугана.

Тысяча ярких точек рассыпались перед глазами Филли. Его обволокло упругое нечто — и сразу же выбросило наружу.

«Где я?» — промелькнул немой вопрос. Но тот, кто задал вопрос, растворился, оставшись едва заметным наблюдателем. Филли глядел сквозь чужие глаза, вдыхал другими лёгкими. Последние отголоски его сознания улетучились со взглядом на пальцы своих рук — тонких, изящных, с короткими, подбитыми ногтями.

За столом сидела женщина лет двадцати пяти. Подтекшая тушь делала ее лицо особенно мрачным. Перед ней сидел мужчина. В его глазах леденела осуждающая неприязнь, он намеренно смотрел слегка вскользь.

— Я же знаю, что между вами есть какая-то связь. Он тянется к тебе, а ты к нему, я же чувствую!

— Нет, Ронни.

— Что «Нет, Ронни»? — имитируя ее голос, произнес он.

— Он же твой друг...

— И что?! А ты — моя женщина! Ты должна видеть, когда мне плохо! Ты должна просто подойти и спросить, что не так! Ты же любишь меня?!

— Да, люблю. Но в такие моменты от тебя веет холодом. Я просто не хочу подходить.

— Ты посмотри! — Он зыркнул на нее. — Ты боишься моей холодности! А почему же ты ее создаешь?

— Я не... не создаю ее. Ты бы мог мне говорить, если что-то не так?!

— Да ведь это очевидно! И у меня есть достоинство! Ты должна мне помогать с этим справиться, разве это так сложно?! А ты вместо того, чтобы обратить внимание на меня, что-то рассказываешь этому козлу, — его пальцы впились в ладони, — еще друг называется. Наверное, хватит с меня этой дружбы.

Ей стало невыносимо тоскливо. Человек, которого она любит, вызывал до ужаса противоречивые чувства. Его слова резали на кусочки. Зачем он говорит ей такие вещи? Почему он не хочет признать то, что у нее тоже есть чувства, желания? Слезы навернулись, сбив с век пару комков туши. Ей хотелось убежать, хотелось сказать — нет, я больше не хочу.

Она знала, что это лишь минутное отчаяние. Все тело дрожало от напряжения, дыхание участилось, сердце вот-вот выскочило бы через глотку. Регулярно она проживала эту «порку», но каждый раз был словно впервые. Окружение начало обесцвечиваться, терять трехмерность. Она ощутила, что что-то тянет ее вверх, закручивает, словно штопором, в потолок.

Брызги точек в глазах и... и эта сцена осталась воспоминанием в голове Филли.

На душе было скользко и гадко. Перед ним стояла побледневшая старушка.

— Хех, милый, да твоя сестрица — еще та штучка. Плевать тебе в кашу и ухахатываться, что папаша дает тебе затрещин за «выдумки»? Неплохо, — она кивнула на ладони. Шарик на руке Филли лопнул. — Но, похоже, мой кавалер впечатлил тебя больше.

— Я что, проиграл?

Женщина грустно улыбнулась. Её глаза выражали странную смесь облегчения и сожаления.

— Но я не хочу в Зону!

— Понимаю, дружок. Но у тебя больше нет гадких воспоминаний. А когда их нет к концу дня... — она пожала плечами.

— А что дают другие воспоминания, не гадкие? — дрожащим голосом спросил он.

Видно, что он отчаянно искал способ отвлечься. Солнце уже почти спряталось.

— Приятные моменты, теплые воспоминания... — женщина с тяжестью вздохнула. — Но их можно использовать лишь раз.

Солнце закатилось за горизонт. Паренька начало знобить. Старуха положила руку ему на лоб.

— Будет очень плохо? — проскулил Филли.

Та посмотрела на него, поглаживая лоб.

— Не знаю, — ушла она от ответа. — Знаю лишь, что и это пройдет.

Филли уже не разбирал слова собеседницы, что слились в один шуршащий поток. Он проваливался в тревожный сон. Тело на ее коленях размывалось, исчезало, словно испаряясь. С каждой секундой Филли превращался в пепел, который ветер тихо поднимал и уносил прочь.

— До встречи, Филли, — пробормотала женщина. Мальчика уже не было с ней, лишь немного пыли осталось в складках комбинезона. Она встала и отряхнулась.

— Надеюсь, тебя недолго продержат там.

Серебряное облако рывками уносилось за горизонт. А там, где-то далеко, ураган поглощал пепел побежденных, крутился в яростном танце среди бесконечной, черной глади выжженного поля. Собрав Филли в поток с другими проигравшими, Зона пустила сок. Кошмары накинудились на них. Без разбора, без цели — они впивались в незащитные сознания проигравших и выжимали из них жизнь, волю к сопротивлению. Град из предательств, унижений, ненависти, обид обрушился на мальчика. Сперва мутное, отвратительное личное прошлое гадким щупальцем втянуло его назад. Он снова получил двойку и теперь стоял на коленях в отсыревшем углу подвала. Гремящая стиральная машина скрежетала так, что он обмочил штаны. Он заплакал: за это его заставят стоять тут всю ночь.

А после Филли стал другим человеком. Он не мог поверить, что люди могут делать такое друг с другом. Он, рыдая, собирал обломки своих зубов из кровавой лужи, как вдруг его перебросило дальше. Пришлось признать, что бывает и хуже.

От эпизода к эпизоду, от картины к картине. Он переливался между людьми, из тела в тело, из ума в ум — и страдал, и кричал, выл от боли.

И тут... безбрежное ничто вмиг заполнило пространство. Он снова почувствовал себя в теле. Приподнявшись, мальчик нащупал в оттопыренном кармане мешочек. Тот был пуст. Темными отголосками страшные недавние события рвались изнутри. Лишь какой-то внутренний предохранитель, неосязаемый, но сильный, держал эту навалу, размывал, заставлял забыть.

Он достал мешок и хотел было раскрыть его, но чья-то рука осторожно обхватила его запястье, останавливая движение. Над ним склонился мужчина — на вид он был не совсем молод, но и не стар. Длинные светлые волосы нависали над ним, закрывая глаза.

— Не успел, — сказал он, глядя на взявшуюся за мешочек руку. — Ну и ладно, ты бы всё равно взял мешок.

Во взгляде мальчика читалось недоверие и замешательство. Мужчина отпустил его руку и сел рядом, на землю.

— Небось, недавно попал в игру? Уже появились шары?

Мальчишка хотел было сказать «нет», но вдруг заметил, что мешок потяжелел — внутри ощущалась пара шариков.

— Да... я сыграл лишь раз.

— Значит, проиграл. И уже побывал там, в урагане.

Парень кивнул, его плечи опустились, глаза бесцельно уставились вдаль.

Мужчина хлопнул его по плечу:

— Уже позади, выдохни. Что-то помнишь из того?

Филли нахмурил лоб. Помнил он только то, что отчаянно желал забыть увиденное. Сейчас у него получалось.

— Нет, практически ничего. Только чувство внутри такое, будто... будто я немного сгнил.

— Хмм, как точно... а как возвращался в жизнь, помнишь?

— Нет. А разве я вернулся?

— Все возвращаются, — он кивнул на мешок. — Пока ты был там, то активно искал этих дружков. Будет хорошо, если появился белый.

Подросток запустил пальцы внутрь и выудил один из шариков. Тот был теплый, молочного цвета и мягко пульсировал.

— О да, это он. Ну что ж, попробуй, — мужчина выставил ладонь и стукнул другой сверху, имитируя удар по вспому.

— А что произойдет?

— Многие называют это счастьем.

Паренек положил шар на руку. Приятная вибрация пробежала по ладони, сфера грела руку. Он замахнулся и хлопнул в ладоши, накрывая шар. Глухой треск полоснул его по уху, и тут перед глазами расстелился больничный коридор. В нем никого нет, он один сидит на лавочке, нервно теребя в руках уже

разболтанную игрушку-робота. Там, за дверью, мама и папа. И сестричка, которая только-только появляется на свет.

Еще полчаса назад они сидели здесь вместе с отцом, но медсестра, выскочившая из кабинета, рубленым тоном сказала:

— Господин Чэнь, необходимо ваше присутствие.

Тревога наполнила воздух.

— Маме нужна помощь, Филли. Будь молодцом! — Мужчина погладил сына по макушке, — я скоро вернусь.

Отец встал и вошел вслед за медсестрой. Доводчик плавно закрывал дверь, ухо Филли уловило обрывок фразы: «Начались осложнения...». Стук захлопнувшейся двери оборвал дальнейшую фразу. Ожидание растянулось в бесконечность. Филли не знал, сколько он так просидел. Он был натянутой леской, что едва не лопалась от напряжения. Может ли он как-то помочь? Может, зайти? Но не сделает ли он хуже? Как там его мама? А сестричка? Тут дверь открылась, прервав болезненное беспокойство. Отец, улыбаясь, смотрел на него:

— Пойдем!

— Все хорошо?

Из-за двери послышался младенческое хныканье. Филли вскочил и посмотрел на отца, руки сложились на груди, стиснув до хруста игрушку.

— Дори?

— Да, твоя сестричка уже ждет, — он протянул руку сыну. — Как же вы похожи! Они входят внутрь, Филли подбегает к маме и обнимает ее, вжавшись лицом в плечо. Она целует его в макушку, на волосах мальчика остается несколько блестящих капель слез. На ее груди лежит она — Дори. Они встречаются взглядом и сестричка мгновенно успокаивается. Он смотрит на него так, словно они с Филли уже давно знакомы.

— Агу? — спрашивает девочка и расплывается в искристой улыбке.

— А вы, похоже, уже подружились, — весело произнёс отец и прижал Филли к себе.

Папа вроде бы и шутит, но он чувствует, что это правда. Его лучший друг, ангел во плоти, лежал перед ним. Она протянула маленькую ладошку, Филли аккуратно взял ее. По телу прокатилась волна согревающего тепла и безмерного покоя. Такого Филли не чувствовал никогда, до этого момента. Он закрыл глаза, позволяя ощущению поглотить себя целиком. А когда открыл... перед ним вновь оказался парень, с которым он познакомился несколько часов назад. Щеки были влажными, а к губам приклеилась слегка глуповатая улыбка.

— Остаться бы там навсегда... — его голос был отрешенным и, в то же время, умиротворенным.

Брови мужчины сжались, подбородок съежился. Он посмотрел с сочувствием на блаженное лицо мальчика.

Вдалеке послышался крик. Он был полон бессильной злобы, сожаления и ярости. Откуда-то еще послышался другой, плавно перетекший в хохот. Только в этом смехе не было никакого веселья. От него отдавало скорее каким-то оттенком безумия.

— Одного без другого не будет...

— Ну и что? Плевать, — он раздраженно глянул на собеседника. — Ради этого, — он снова сладко улыбнулся и покачал в руке ладонью, на которой трепыхнулись остатки шара, — стоит жить. Стоит играть! Разве это плохо?! Мужчина лишь пожал плечами. От него исходила какая-то едва уловимая грусть, но никакого сопротивления, которое от него ожидал Филли. Взгляд мальчика скользнул на бедро мужчины — он заметил, что мешок был пуст. Он уловил его взгляд.

— Вспомы вступают в игру, если игрок их тронул. Или продержал их дольше дня.

— Но он возвращается, если его выкинуть!

Собеседник ухмыльнулся и подобрал с земли палочку. Та поддела мешок — внизу зияла дыра.

— А ты не выкидывай. Просто подрихтуй.

— Вот это да! Так я просто выкину черные! — прикрикнул Филли.

— Тронешь один — активируешь все. Всё или ничего.

— Но ведь... — мальчик оглянулся вокруг — одни дороги да редкие постройки бесконечным частokoлом выстроились вокруг. Вдалеке виднелись леса, за ними вновь города. И так, пока хватало глаз. Такая скука... — Что еще здесь делать, кроме как играть?

Рядом с ними прошел человек. На лице его застыл неопиcуемый восторг, он увлеченно мурлыкал себе что-то под нос. Длинноволосый помахал ему, тот бросил полный радости взгляд на сидевших в пыли собеседников, отсалютовал в ответ и засеменял дальше.

— Снова победил. Уже какой месяц он держится вне Зоны, — глядя тому вслед, сказал мужчина.

— То есть, такое возможно, — мальчуган от возбуждения заерзал на месте, — именно об этом я говорю.

— А когда не приходят добрые вспомы, — продолжил собеседник, — по округе слышно как он сумасшедше ревет. — Он тряхнул головой, словно скинув налипшую паутину, волосы слетели с лица.

Мальчик посмотрел вслед человеку, который уже превратился в небольшую точку. Тот вприпрыжку удалялся по дороге дальше.

— Разве не в этом заключается жизнь? Не в этом ли смысл?

Беловолосый собирался было что-то сказать, как лицо его посерьезнело, а глаза напряженно устремились в небо. Мальчик проследил за направлением и увидел, что едва заметное серебряное облачко опадало в нескольких километрах от них.

— Вижу, ураган вернул еще кого-то, — он протянул ладонь подростку на прощанье. — Мне пора.

— Зачем ты это делаешь?

Мужчина стоял над Филли, отряхиваясь от песка.

— Если мы говорим о смыслах, то мой — в том, рассказать об этом. Тебе, — он кивнул в сторону, куда собирался пепел, — ему, всем вокруг. Он заходил взад-вперед, — быть счастливым, после быть несчастным, — мужчина вращал указательным пальцем в воздухе, — и так по кругу! — Его палец замер на месте, — а как насчет того, чтобы просто... быть?

На лице мальчугана проступила борьба. Отказаться от воспоминаний? Разве это жизнь? Скорее, существование. Для Филли это казалось предательством самого себя. Да, здесь игра. Но ведь он живой, он помнит и чувствует! И пусть не всё гладко, но разве без этого жизнь не была бы безумно скучна?

— Когда я к этому пришел, — он пронзительно глядел на Филли, — понял, что такое настоящая свобода. Почему бы не рассказать об этом всем?

Беловолосый направился прочь. Филли глянул на место, где недавно сидел мужчина — два молочных и один черный шарик лежали на том месте, где еще видны были очертания бедер. Он взял их в руки. В памяти всплыла сестренка — ее взгляд, ее ладошка. Внутри растеклось нежное, обволакивающее тепло. В то же время неудобное, чужеродное ощущение поселилось в нем. Своим тихим голосом оно понемногу подтачивало незыблемые убеждения. Он пытался заглушить его, но голос упорно не желал молчать. «Отвергнуть себя? — иронически шептал он. — А это точно ты или какая-то очередная история, в которую так удобно верить?»

Мужчина остановился поодаль. Он заметил, что паренек нашел воспоминания, и крикнул тому:

— Раз подобрал, то играй. Так или иначе, тебе опять придется побывать в Зоне.

— Но почему? они же твои — не мои?

— Важно не то, из чьей они головы, а в чьих руках они проснулись.

В груди у мальчика сжалось: перед глазами встала Зона. То, что пережил, обжигающей лавой текло сквозь него. Окружавший его кокон приятных воспоминаний треснул, зашипел как влажные ветки в огне.

— Я не хочу попадать туда! — закричал Филли.

Он вызывающе смотрел на беловолосого, словно по его указанию он будет отправлен назад. Но тот не сменил своего дружелюбного взгляда, а лишь развел руками и лучезарно улыбнулся:

— Прорежь дно!

Сверхурочные

Свет фонарей заливал улицу, где время растворилось. Ветви деревьев и груды мусора на асфальте были неподвижны, словно на фотографии. Приторный, отталкивающий запах из переполненных баков у парковки напоминал о недавней вечеринке в баре. Лишь бытовой смрад разрушал иллюзию застывшего времени.

Неоновая вывеска, приветливо загорававшаяся в шесть вечера над входом каждые выходные, давно остыла. Сквозь стекло на столах виднелись ряды перевернутых стульев. Раздался шум вибрирующего телефона — тот, боком скатившись в отверстие между витриной и подставкой для ног по левую сторону от двери, теперь трепыхался со всех сил, нарушая установившийся стазис. Послышался глухой стук о барную стойку, за ним — едва слышное чертыхание. Потирая голову, взлохмаченный парень лет двадцати нетвердой походкой вышел из-за пивных кранов в поисках нарушителя спокойствия.

— Да прекрати ты уже трезвонить, — проворчал бармен.

Наклейки на витрине искрились от света экрана. Парень сделал несколько шагов и запустил пальцы в щель между подставкой для ног и стеклом, стараясь зацепить телефон. Казалось, тот почувствовал приближение человека и начал еще активнее вибрировать, будто радуясь спасению. Наконец он вытащил трубку. «Мама, — прочел он. — Хм, это, скорее всего, будет интереснее, чем обычно».

— Доброй ночи.

— Алло! Кто вы такой?! Где Нелли? — обеспокоенный женский голос затарабанил из динамика.

— Это бар «Хойт», я — Джон, бармен. Видимо, телефон обронили...

— Это моей дочери! — Женщина стала говорить чуть тише, но надрывистее. — Джон, вы видели ее?

Он почесал подбородок и свел губы. Как бы деликатнее сказать?

— Тут много дочерей... Я, может, и видел, но сказать, ваша ли это, не могу. Как хоть она выглядит?

— Зеленые глаза, черные волосы, в брови пирсинг. Ростом примерно 160 сантиметров.

Джон прикрыл глаза. Фоторобот по телефону? Он усмехнулся. Пустая затея.

— Окей, мэм, так и не вспомню. Давайте, гляну видеозапись с камер наблюдения? Посмотрю, кто сидел в месте, где остался телефон.

— Хорошо! Перезвоните мне, как только закончите! — Встревоженный голос продиктовал серию цифр. — Мисс Чау. Очень жду вашего звонка!

— Уже иду смотреть! Не переживайте раньше времени!

Он отвел телефон от уха и машинально уставился на экран. На экране заставки он узнал ту самую группу людей, а среди них — темноволосую девчушку... С таким ориентиром было попроще.

«Итак! Побочное задание... — он улыбнулся, но в то же время едва заметные морщины вкрались в переносицу, — найди след пропавшей девушки!» Парень вытянул руки вперед и, перенеся центр тяжести, соскочил со стула. «Мысль забавная, а ситуация не очень».

Под стойкой растянулся широченный монитор, чем-то напоминавший ветровое стекло автомобиля. Джон ткнул на кнопку включения, кулер охлаждения мерно загудел где-то внутри деревянного корпуса столешницы. Ряды бутылок, играя цветом и формой, переливались в ответ на яркие картинки, сменявшие одна другую на экране. Джон дернул кран и налил себе полпинты кофейного стаута. Терпкий, хмельной запах наполнил слегка застоявшийся воздух.

Невыспавшееся лицо бледным овалом светилось в темноте. На экране показалась миниатюрная брюнетка: та сидела за стойкой и попивала эль. Нелли сидела в одиночестве, не считая сумки на стуле рядом. Джон отхлебнул из бокала и нажал на ускоренную перемотку. Люди сновали туда-сюда, наступил вечер. Тут Джон заметил, что кто-то подсел на место, где до того покоилась сумка девушки. Он стукнул по клавиатуре, вернув скорость воспроизведения в изначальный темп. Темнокожая девушка с точеной фигурой и кудрями, спадающими до плеч, в вызывающе узком платье примостилась рядом с Нелли. Они оживленно о чем-то разговаривали и смеялись. Он смутно припомнил, как Нелли приходила за бокалами, но ту, другую, он словно видел впервые. Джон было потянулся к кранам за второй порцией, но увидел, что девушки встали. Он задержал руку и погрузился в действия на записи.

«Хм, поймала в свои сети милого мотылька? — с грустью подумал Джон. — Девчушка не кажется искательницей приключений такого плана. Подпоили ее, что ли?» Тут лицо его вытянулось, губы сжались в нечто, похожее на трубочку, а брови скакнули вверх: все может быть проще — они давно знакомы.

Девушка пропустила Нелли вперед себя, а та, уже порядком набравшись, держалась то за стойку, то за стул, пытаясь поймать равновесие. На мгновение, лицо подружки отразилось в стекле витрины. Её улыбка показалась Джону неестественно широкой, до ушей, но он списал это на качество записи. В этот момент телефон и выскочил из утративших контроль рук, нырнув в ту щель, из которой недавно и донимал Джона. Видимо, ей нужно было в уборную — подруга любезно помогла ей преодолеть этот путь. Подхватив Нелли под локоть и взяв сумку, она выпрямила ее и подтолкнула внутрь зала.

Кофеин уже действовал, как и алкоголь — сон попрощался с парнем до утра, на смену пришел детективный кураж. Облокотившись на стойку, парень уткнулся в монитор, высматривая девушек. Прошло уже с полчаса, но он не увидел их возвращения. Джон открыл запись камер, направленных на вход в уборную. Вот

они входят — и больше ничего. Это показалось подозрительным. Не то чтобы голова сейчас была в лучшем своем состоянии, но после повторного просмотра он был уверен, что девушки не выходили. Челюсть пошла в сторону, и недоуменно-вопросительный взгляд застыл на лице бармена. «Не понял», — вполголоса резюмировал он.

Взор сам собой поднялся над стойкой и уткнулся в дверь туалета. На него глядела милая девушка с плаката. Та оседлала ракету, подмигивала да кокетливо улыбалась. Обычно от ее взгляда ему становилось теплее, но сейчас он почувствовал дискомфорт. Сквозь глаза модели на него смотрел кто-то чужой. Не отдавая себе отчета, он спрятался за стойкой. Внезапно тишину разбило жужжание телефона — Джон аж подпрыгнул от неожиданности. Он схватил трубку.

— Алло, привет, мисс Чау. Я в процессе.

— И как? Вы видели её? Во сколько она ушла? — Вопросы сбивали друг друга, — она была одна? Сильно пьяна?

— Да, видел. — Он решил уточнить важный момент. — Скажите, у нее есть подружка?

Голос мисс Чау окреп и стал довольно резким.

— Джон, кто был рядом с ней?

— К этому и веду. Какая-то весьма миловидная девушка...

Внезапно голос по ту сторону на долю мгновения перекатился в густой бас: «Чувствовали!» — и тут прежний, вновь встревоженный голосок мисс Чау вновь вернулся в эфир:

— Когда она вышла из бара с этой особой?

Парень опешил. Сердце екнуло. Списать это на помехи или усталость было бы слишком просто, но что еще оставалось?

— Тут-то я и остановился... Дело в том, что я дважды просмотрел записи, и я не заметил, чтобы они выходили!

— Я скоро буду, — ровным тоном произнесла мисс Чау.

— Может, вызвать полицию?

— Просто подождите.

Она сбросила вызов, Джон так и остался сидеть с приоткрытым ртом. Из оцепенения его вывел едва заметный скрип со стороны уборной.

«Да что, черт возьми, творится? Они, может, напились в доску и храпят в обнимку в одной из кабинок, зарождая романтическую историю первой встречи для своих друзей? В то же время женщина средних лет летит ко мне, в полуночный закрытый бар, на разборки?! — Он хохотнул. — А я думал, что скучно живу».

Скрип повторился еще раз. «Пойду, что ли, проверю. Сберегу нервы мисс Чау. Да и... всех мисс в целом». Поравнявшись с дверью, он заглянул в глаза модели — та все так же приветливо смотрела на него, бликуя глянцем. «А на мгновение

мне показалось, что между нами образовалась пропасть», — тихо прошептал он ей и лаконично стукнул пару раз в дверь.

— Дамы? Мисс Чау?

Ответа не последовало. Джону стало как-то не по себе, словно воздух вдруг загустел, сковывая его движения и утяжеляя легкие. «Неужели я так волнуюсь перед входом в женский туалет?» Он постучал еще раз — без изменений.

— Дамы, если вы там! Я вхожу! — на этом он нажал на ручку двери.

Автоматический выключатель света почему-то не сработал, и Джон вошел в темную комнату. Запах из ассорти женских духов практически выветрился, но едва уловимый шлейф все еще чувствовался под напористым запахом освежителя воздуха. Парень включил фонарик на телефоне, и перед ним во всей красе показалась комнатка для личной гигиены.

Белый потолок из составных квадратиков тускло отражал свет. От него шло легкое сияние, чуть озаряющее комнату. Раковина по левую руку была забита салфетками, какая-то шутница приклеила на стекло прокладку, явно выдавшую не только упаковку. «Мда», — оценил броский арт-объект Джон. Двери трех кабинок были закрыты, но индикаторы замков дружно подмигивали зеленым, переливаясь под лучом вспышки-фонарика. Чуть присмотревшись, он заметил, что один из них был слегка прокручен. Сделав вывод, что если кто-то тут и есть, то вероятнее всего там, Джон подошел к двери и постучал.

Ответа не последовало.

— Ау! Девушки, извиняюсь за вторжение. Я бы этого не делал без крайней необходимости.

Ответа не последовало. Может, все-таки они ушли? Он решил толкнуть дверь кабинки — на случай, если индикатор замка просто слегка запал. Джон нажал на ручку, индикатор вернулся в зеленый сектор, однако ручка не пошла вниз, словно кто-то припер.

Джон усерднее постучал в дверь, дернул ручку уже основательнее. Тишина.

Парень решил зайти с козырей.

— Нелли, сюда едет твоя мама!

Видать, козырь был не какая-то шестерка, но целый туз. Резкое шуршание, а за ним гулкий треск зазвучал из-за двери. Одновременно с этим ухо полоснул скрежет и нечто, похожее на глухое шипение, чем-то напоминавшее звук, выходящий из изъеденных бронхитом легких. Бармен в нерешительности остановился. «Какие женщины таят секреты? И хочу ли я их знать?» — обернувшись к зеркалу, подумал он. Вдруг с потолка над ним посыпался мел и ошметки пыли, потолочные плитки задрожали. Джон фыркнул и подался вперед, машинально вдавливая ручку двери. На этот раз она поддалась, и он ввалился в туалетный блок. Комната за спиной растворилась во мраке.

Телефон освещал некогда белые стены кабинки. Кафель облеплен какими-то желеино-илистыми наростами. Из сотен маленьких норок-отверстий сочилось

нечто между густым гноем и бурым муссом. В этой вязкой, трипофобной галерее тут и там висели кусочки одежды — он узнал части наряда Нелли, которые видел на записи. Сверху донесся какой-то звук, Джон поднял фонарь и увидел, что плитка потолка сдвинута в сторону. В отверстии на мгновение показалась миниатюрная ступня. Шуршание и звук перетаскивания в потолке стали намного интенсивнее, распорки, державшие панели, натужно закрипели. — Твою ж мать, — только и смог выдавить из себя парень в смеси отвращения и липкого страха.

Он попятился назад и бросился к выходу. Дернув ручку на себя, он уже было выскочил в зал, как тут потолочные распорки не выдержали и с треском рассыпались, извергая сверху клубки проводов и пыли. Джон упал на спину и поднял фонарь над собой.

Перед ним возвышалось нечто среднее между угрем и бесформенным слизнем: кожа была покрыта отвратительными складками, чем-то напоминая отмоченные часами пальцы в горячей воде, нависающие по всей протяженности каштаново-бурого лоснящегося тела. Набухшие складки пульсировали, извергая из себя слизь. Мерзкая субстанция забирала с собой, словно растворитель, близлежащие участки кожи твари, плавно стекая на пол и формируя миниатюрные хребты пульсирующих холмиков.

Ярко выраженных конечностей не было — ложноножки выскакивали то тут, то там из гноящихся отверстий. Несколько десятков крохотных глаз, похожих на пузырьки головастика в пруду, впились в Джона, а после вязкую тишину рассек звук трущихся друг о друга зубов — их были тысячи. Те походили на плоские иглы. Существо вздыбилось и изогнулось, дрогнув всем телом.

На хвосте, что метнулся позади, парень заметил обнаженную, прилепленную наглухо девочку. Ту самую младшую Чау. В оцепенении он тупо уставился на нечто, извилистыми движениями подбиравшееся к нему. Оно проползло добрый метр, и Джон начал отодвигаться назад, пытаясь встать и бежать. Тварь уловила манёвр, и шипение раздалось в этот раз уже намного громче. Монстр, разрядившись как пружина, бросился на него.

Пространство между лицом Джона и щетиной из крутящихся в отвратительном вальсе щеток-зубов сокращалось молниеносно. Парень зажмурился и приготовился встретить смерть, как вдруг звук бьющегося стекла, а затем вязко-глуховатый чвяк где-то над головой прервал его. Он открыл глаза и увидел гигантского слизняка, пришпиленного дорожным знаком к двери туалета. Шест торчал аккуратно среди глаз. Кружочек со знаком, запрещающим парковку, все еще заодно подрагивал.

Парень повернулся назад — в двадцати шагах, возле мусорных баков около куска выкорчеванного металла стояла небольшая женщина в кремовой вязаной кофте и потертых бриджах типа клеш. Что сразу бросалось в глаза — с той стороны, что была ближе к бакам, рука была чуть ли не больше туловища, а утонченные

азиатские черты лица с противоположной стороны перетекали в нордический угрюмый, мясистый анфас.

— Мисс Чау?.. — тихонько произнес он, приподнявшись на предплечье и в полуобороте разглядывая человека.

Та помахала ему здоровенной рукой и легонько затрусила к бару.

— Привет, мистер Джон, — пробив ручищей остатки стекла и ловко запрыгнув внутрь, произнесла мисс Чау. — Знаю, у тебя много вопросов, но я на сухую воздух не гоняю. Плесни-ка темненького.

Женщина в пару кошачьих движений преодолела расстояние до дочери, положила ее к себе на руки и крепко принялась к ее дыханию. Лицо матушки уже вернулось в полностью азиатский, слегка старушечий вид. Подняв лицо, она умиротворенно улыбнулась:

— Пьяна в стельку.

Джон, развалившись на полу, с немым вопросом уставился на нее. Она комично вздернула бровки и прижала дочь поближе к своей груди, другой рукою оттирая ее от налипшей слизи.

— Эта шельма так ее и нашла.

— Вы не думайте, что все остальное мне понятно. Но, в плане, как?

— Под действием алкоголя они чувствуют нас за десятки метров. Но сами его слабовато переносят. Вот дуреха перестаралась и, видимо, решила затащить ее в туалет, чтоб дожидаться, пока выветрится. Да видишь, не силен глазомер был... хоть и глаз столько, что и даром раздавай! — мисс Чау засмеялась мелкими порциями на вдохе, что было комичнее самой шутки.

Нелли что-то невнятно пролепетала и уткнулась в мощный бицепс мисс Чау носом. Та нежно провела рукой по волосам дочери. Почувствовав на себе грызущий интересом взгляд парня, она перевела внимание с девушки и двинула разговор в более практичное русло:

— Мистер Джон, спасибо тебе за помощь, я перед тобой в долгу. Я спасла твою жизнь. Я также помогу тебе с наведением, — она покрутила свободной рукой вокруг, — порядка. Это меньшее, что я должна сделать.

— Спасибо! А...

— Вопросы, да. Я сотру воспоминания об этом инциденте, и ты вернешься к обычной жизни. В ней ты не будешь испытывать ни малейшего материального недостатка — это будет моей благодарностью.

— Или?

— Или я расскажу тебе все, но тогда тебе придется идти со мной. Как видишь, в этой реальности я, как и Нелли, уже не инкогнито — нам нужно убираться и как можно скорее.

Парень задумался. Нужно ли ему это все? Перспектива прощания с жизнью рассматривая зубастые пасти по несколько раз в неделю — звучит захватывающе лишь когда ты никогда этим не занимался. Так-то: меньше знаешь, крепче

спишь. А с жаждой приключений можно совладать, порубившись в компьютер или читая фикшн.

Рука мисс Чау уже приняла прежний вид, и женщина, взвалив дочку на плечо, потихоньку пробиралась к столикам.

— Я, как ты, наверное, догадался, не совсем мисс. Я и не человек так-то. Хотя мне очень и хотелось бы. — Она на момент остановилась и посмотрела ему в глаза, опустив дочь на сиденье. — Я лишь гость в вашем срезе реальности. У меня нет фиксированного пола или, — ее глаза на миг обрели изумрудный оттенок, вертикальные зрачки блеснули сталью, — тела.

Глаза Джона, лишь недавно вернувшие стандартный размер, вновь неестественно расширились. Он невольно отшатнулся назад, подняв облако из обвалившегося мусора с потолка.

— Это удивляет... Но вам придется постараться, чтобы переплюнуть свою коллегу, — парень мотнул головой в сторону уборной.

Женщина усмехнулась, разведя ладонями. Джон тем временем поднялся с пола, потрусил конечностями — чудом, все было цело. В легкой прострации он прошелся взад-вперед, все еще не доверяя себе. Руки слегка подрагивали, стук сердца отдавал в ушах. Мисс Чау отряхнула кофточку от вкравшихся осколков и тихо запричитала по поводу растянувшегося рукава. Бурчание привлекло Джона, он с осторожностью глянул на женщину.

— Так, а что же произошло? Если не в целом, то хотя бы в двух словах?

— Если в двух словах, то однажды я встретила человека, который стал для меня бездоннее любой из галактик. Он искупал меня в любви, которая доступна лишь обычному смертному. Вскоре он погиб... Я запечаталась в этом теле, оставив лишь человеческое. Я хотела полностью раствориться в любви, которой он одарил меня. — Она чмокнула в макушку лежащую на ее плече Нелли, — и передать ей.

Парень опустил голову, прошел вдоль стойки. Любовь, слабости, жертвенность — похоже, эти ребята существуют вне зависимости от видовой принадлежности или вселенной. Или она подцепила это у людей? Джон задумчиво хмыкнул.

— И все шло своим путем, покуда мои враги, — она кивнула на свернувшегося громадного червя, — каким-то образом не нанюхали Нелли.

Хмельной напиток мерно зашумел о бокал. Забыть одну ночь, что насыщеннее пары-тройки обычных жизней? Зато больше никаких ночных смен, мыслей, где взять еду и кров? Никогда? Насколько же привлекательный вариант. И все же что-то дрожало в груди у Джона при этой мысли. Так бывает, когда с холодной головой взвешиваешь риски и не идешь на поводу у азарта. А спустя время узнаешь, что и самого риска-то не было. Когда понимаешь, что просто упустил подарок судьбы.

— А если я пойду с тобой, мисс Чау... смогу ли я увидеть когда-нибудь своих семью, друзей? Смогу ли я вернуться?

Глаза Джона неуверенно бегали по стенам бара. Виски взмокли, рука зациклено потирала бокал.

— Этого я не знаю, Джон. Быть может, ты завтра умрешь. Быть может, и я тоже. Но будь у нас шанс — мы сделаем это, я обещаю. — Она уперлась локтем в стол, подперев голову. — Если ты это все в гробу видал, вопросов нет. Поставь мне пинту и дай что-нибудь из одежды, если есть, — она указала на девушку. — Она хоть и моей крови, но в ней больше вашего, человеческого. Мерзнет...

Пошарив под стойкой, бармен выудил свою сменную одежду и кинул мисс Чау. Лоб его нахмурился, скулы танцевали взад-вперед под кожей, он повернул голову вправо: в темноте пришитый к стене монстр едва был различим в слабых бликах ночных фонарей, казался просто фантасмагорией, сном в период горячки. Жизнь человеческая и без того полна всякой всячины, зачем добавлять еще и это... Мисс Чау накинула вещи Джона на Нелли и, прикрыв глаза, сидела с ней рядом.

Закончив со своими обязанностями, он вышел из-за стойки и подошел к паре за столом. Стук поставленного бокала вывел мисс Чау из дрёмы. Открыв глаза, она встретила взглядом с барменом. Уголки ее губ слегка разъехались, она взяла его за руку. Парень почувствовал пульсирующее тепло, в голове фрактальными узорами брызнул фонтан красок. На лице Джона проступило безграничное спокойствие, на миг показалось, что лицо его, и без того довольно молодое, потеряло еще с пяток лет. Он отпустил ее ладонь, медленно открыл глаза. Затем неопределенно улыбнулся и взял бокалы. Вручил один женщине, второй же приподнял, задумчиво смотря на шапку пены.

— Мисс Чау, — его голос звучал тверже, чем он ожидал. Он повертел бокал, сделал глоток и поставил его назад, — сегодня я предпочту обычное, человеческое. Но если когда-нибудь вам снова понадобится бармен... или что-то еще... вы знаете, к кому обратиться.

Хорошая Джудит

Джудит сидела на краю кушетки в маленькой комнате с искусственными маками на подоконнике. Светлое помещение служило манипуляционной в небольшой частной клинике. В воздухе плавал аромат антисептика — он слегка дурманил и в то же время не давал забыть. Приглушенный свет распадался на едва различимые тени, застывшие на кафельном полу.

На столе лежал бланк с ее именем. Стоило расфокусировать взгляд, и лист сливался с белизной стола. Лишь темный шрифт да алые лепестки давали глазам возможность зацепиться хоть за что-то. Она молча глядела на цветы, ковыряя пальцем отверстие в ножке кушетки, откуда выпал шуруп. «А у кого-то получилось», — мысленно улыбнувшись, заключила Джудит. В ее карих глазах не отражалось никаких эмоций; на застывшем лице читалась усталость вперемешку с отрешенностью. Черные волосы едва касались плеч, подчеркивая изящную шею и белизну кожи.

Джудит оказалась здесь около двух недель назад.

«Ты была такой хорошей девочкой! А теперь?» — эту фразу, с болью брошенную ей за завтраком, она хорошо запомнила. А после стены родительского дома расплылись в смазанные пятна. Когда картинка вновь обрела резкость, Джудит была уже здесь.

Она вспомнила, как вернулась домой после учебы. То платье, что было на ней в тот день, было аккурат такого же цвета, что и маки на окне. Вроде бы оно ей нравилось... но сейчас уже не так.

Джудит вошла в прихожую и бросила под ноги дорожную сумку.

— Привет, я дома!

Из зала слева доносился мерный треск телевизора. Он утих, к ней вышла женщина лет пятидесяти в простеньком халате, с волосами, собранными в пучок.

— Привет, доченька! — она обняла Джудит. — Как добралась?

— Все хорошо, меня друг подбросил.

Мама вопросительно посмотрела на нее.

— Друг? — ее взгляд скользнул по платью дочери. — Когда подвозят, это не просто друзья. Не рановато ли? И это, — она очертила рукой наряд, — мне кажется, это слегка не твой стиль.

— Но оно мне нравится.

— Может быть, наденешь то, что мы подарили тебе на день рождения? Оно идет тебе намного больше и, кроме того, не такое вызывающее.

— Но оно не очень удобное, мам, — голос Джудит поупал, — можно я оставлю

это?

— Ты выглядишь... неприлично! Переоденься. Ты ведь не хочешь заставить нас с отцом краснеть? — процедила мама.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и ушла в спальню.

Обычно на этом все и заканчивалось. С ранних лет Джудит ощущала тягучую вину за то, что расстраивает окружающих, не совпадает с их правдой.

Она сидела в школьном фойе, негромко слушая песню, от которой мурашки пробегали по коже. Проходивший мимо одноклассник бросил ей:

— Джудит, Лори Чу слушают только тупые соплячки!

— Это да, — ткнув на паузу, мгновенно ответила она. Лоб покрыла едва ощутимая испарина, дыхание участилось, — розовые сопли.

— Так а зачем ты ее слушаешь? Неужели любишь поиздеваться над собой?

— Да ну, это мне подруга скинула послушать.

Одноклассник скорчил мину, словно съел чего-то с гнильцой, и пошел дальше.

Это было близко, подумала она. Напряжение понемногу стало отступать, но послевкусие никуда не делось. Она получила желтую карточку и никак не хотела быть удаленной из поля.

Джудит была дрессированным хамелеоном, твердо знающим: если краска окажется недостаточно хороша, ее обязательно клюнют.

В один день пришло время выпорхнуть из семейного гнездышка. Джудит заканчивала школу, и следующим шагом был колледж.

— Но он ведь в другом городе, Курт! — надрывисто воскликнула женщина. В глазах сквозило волнение и тревога.

— Шани, но ты ведь сама хотела, чтобы она освоила право, — он развел руками, словно извиняясь, — других колледжей ближе просто нет!

— Да уж, выбирать не из чего. А что делать? Нужно готовиться к будущему. —

Шани потерла веки, устало выдохнув. — Джудит, ты как, справишься?

Девочка внимательно всмотрелась в лицо матери. Похоже, она хотела услышать «да». Джудит кивнула.

— Только ты ведь звони нам, солнышко! — мама взяла ее за руку. — Чтобы мы не волновались.

Курт, ощутив, что Шани не спускает с него взгляд, кивнул. С такого вот общего согласия, впервые в жизни Джудит оказалась одна, вдали от дома. И пусть ей было слегка страшно, но что-то внутри радовалось тому, что необходимость бросает ее в другую жизнь.

Однажды вечером на вечеринке в кампусе Джудит порядочно выпила. Веселье и хмель напрочь выбили распорядочный звонок домой. На следующий день ее разбудил звонок. Она подняла трубку, и из динамика донесся тихий, студеный голос:

— Ты опять не набрала мне вечером. И телефон был отключен! — Мать натужно выдохнула. — Знаешь, как у меня болело сердце?!

— Мама...

— Ты не знаешь, конечно. Тебе же все равно!

— Мне не все равно! — Джудит резко свесила ноги с кровати и съежилась над трубкой.

В ответ лишь потрескивала линия — на том конце молчали.

— Прости!

— Ладно. Не заставляй меня больше волноваться, хорошо? Ты ведь моя любимая доченька.

— Конечно, мам, — тихо радуясь, что буря миновала, ответила Джудит.

— Так что вчера произошло? Засиделась за учебой?

Джудит не хотелось говорить про вечеринку. Но мама часто подчеркивала, что они подруги, а друзьям не врут.

— Нет... не совсем. Был небольшой праздник в кампусе. Мы вот и гуляли... немного.

— А-а, — голос стал бесцветным, — все ясно. Ну, ты хоть не пила?

— Ну... — начала было Джудит.

— Ты ведь знаешь, что алкоголь не друг тебе? Он ведь, коварный, загрязняет мысли, портит душу... не расстраивай меня, доченька.

— Да, мам.

«Лучше бы я соврала», — проскочило у нее в голове.

— Я ценю, что ты делишься со мной, Джудит. Мы с папой очень любим тебя. Прошу тебя, будь умницей.

— Я вас тоже очень люблю и скучаю.

— Все, солнышко, мне пора! До вечера, жду звонка!

Вроде бы все закончилось на мягкой ноте, но в груди что-то оборвалось. Под сердцем ныло и крутило, а в голове снова заиграла пластинка: «Ты плохой человек! Ты огорчаешь любимых людей!». Джудит поджала губы и, вскинув подбородок, выглянула в окно.

Внезапное осознание, что она не в своей комнате, мигом выбило ее из самоистязания. Ладони Джудит мгновенно вспотели, глаза забегали вокруг. На полу валялись мужские вещи, на стенах висели плакаты с длинноволосыми мужчинами. Стол у окна был завален коробками из-под пиццы и кучей всякого хлама.

Пока она глазела по сторонам, открылась дверь ванной. На пороге стоял худощавый парень с немного раскосыми глазами и копной спутанных черных волос на голове. Он смотрел на нее и улыбался.

— Ну, привет.

— Ты кто?

— Друг. Ты что, вообще ничего не помнишь? — он хохотнул и, закрыв за собой дверь, прошел в комнату. — Знатно ты вчера оторвалась.

— Я... что? Мы что?.. — дыхание Джудит участилось, на лице проступила

тревога.

Он снова рассмеялся, рассеянно помахав руками. Увидев, что Джудит всерьез обеспокоена, парень посерьезнел.

— Нет, не переживай. Ты не захотела.

— Я? Прости...

— Да ладно, делов-то. Спасибо, что сказала сразу! Ненавижу на полпути слушать, что все это ошибка и... — он увидел, как девушка покраснела, — а, неважно. Не хочешь — не надо.

«Не хочешь — не надо? Что за бред», — молнией блеснуло в голове.

— Я, — продолжил парень, — слышал твой разговор. Не подумай, что намеренно, — он слегка осклабился, — просто громкость динамика — как у полуглухой бабки.

Джудит потянулась к телефону, чтобы как можно быстрее это исправить.

— Да не парься! Честное слово, пьяная ты намного меньше дергаешься по ерунде. Да и в целом. Так что бокальчик-другой, быть может, и не плохой. Возражать было не в ее правилах. Но если не возразить, значит, пойти против мамы? Но ведь тогда...

— Что у тебя с лицом? Расслабься! Плохой так плохой. — Неловкая тишина стала почти осязаемой.

— Меня Фил зовут, — он протянул руку. — На всякий случай напомним.

Джудит пожала протянутую ладонь.

— Джудит, приятно познакомиться.

Парень опустился рядом на кровать и оперся о стену.

— Ты хорошенько напилась... мы с тобой болтали о разном, потом пошли ко мне. Впервые мне было о чем столько говорить с любительницей Лори Чу. Я-то думал, что в голове у ее фанатов один навоз, под стать ее песенкам.

Джудит опустила глаза в пол.

— Эй, да черт возьми, что ты так приуныла? Когда я включил «Распятых», — он ткнул пальцем на мужчин, грозно смотревших с плаката, — ты мне весь пол заблевала!

— Прости...

Он махнул рукой и, сощурившись, покачал головой.

— Дэткор не многим по душе. Но я тащусь!

Джудит вопросительно посмотрела на парня. Что это он говорит?

— А Лори Чу... тебе ведь она не нравится?

— Мне? Да какая разница, нравится она мне или нет. Главное, что тебе нравится!

— Да... пожалуй, — на автомате согласилась девушка. В мозгу полицейский что есть силы стучал дубинкой по прутьям решетки. «Бунт! Наказать!» — слышалось в этой жестокой мелодии.

— А знаешь, что мне еще нравится? Ты, — он мягко улыбнулся и взял ее за руку.

Джудит резко отдернула ее. В ее глазах тут же запрыгали искорки вины, и парень поспешил ее успокоить:

— Прости, не хотел тебя напрягать. Просто вчера... да и неважно, — он опять улыбнулся, с живым интересом рассматривая гостью.

У Джудит появилось ощущение, что улыбка — обычное состояние его лица. Причем вне зависимости от ее действий. Это было чертовски необычно, равно как и притягательно.

— Пойдем вечером в кино? — продолжил Фил.

Едва заметные морщинки заиграли в уголках ее глаз, и улыбка, быть может, впервые за утро, появилась на лице девушки.

— Давай! Только мне нужно вернуться к себе.

Парень хлопнул в ладоши.

— Конечно! Тогда встретимся на выходе из кампуса часов в восемь?

Она кивнула. Взяв мобильный с кровати, Джудит выпорхнула из комнаты Фила. За окном студенты громко кричали, играя в волейбол. На фоне этого гама она слышала, как позади, приглушенные дверью, заиграли «Распятые». «Ну и дерьмо», — прокомментировал голос внутри. «Ну и что?» — тихо буркнула в ответ Джудит.

Игра давно закончилась, было тихо и свежо. Тусклые фонари едва освещали подступы к кампусу. Джудит стояла у входа, на часах перевалило за восемь, а сердце в груди бешено колотилось. В голове кружился такой водоворот мыслей, что ни одну из них толком и не рассмотреть. Девушка и не пыталась. За последние пару дней она словно предала весь мир, но в то же время чувствовала себя так, будто впервые вдохнула свежего воздуха.

— Ты там сигналы из космоса принимаешь? Я уже минуту рядом стою.

Фил будто материализовался из воздуха и выдернул ее из ступора.

— Привет! Я задумалась. Извини...

— Прощу тебя, только если будешь смеяться над каждой моей шуткой весь вечер.

— Хорошо! — глаза Джудит округлились, губы поджались.

Фил снова рассмеялся, потер рукой лоб.

— Да что ж ты такая встревоженная? Я же несерьезно. — Он вытянул руку и ткнул указательным пальцем в темноту: где-то там, совсем рядом, был кинотеатр. — Ну что, пойдем? Сеанс скоро начнется.

Фильм был прекрасен, как и вечер в целом. И Фил. И пусть он был совсем не тем типажом, который она рисовала в своем воображении! Да, местами он ее раздражал. Постоянные опоздания и наплевательское отношение к учебе порой выводили из себя.

Но что злило Джудит по-настоящему, так это бестактность Фила. Он называл это прямолинейностью, но ведь можно иногда просто помолчать?

— Нет, молчать нельзя! — в который раз возбужденно протестовал Фил. — Я не

хочу!

— Но почему? Зачем ты сказал преподавателю, что “Кингс” переоцененная группа и не стоит внимания? Он, черт возьми, у тебя просто лабораторную принимал, — негодование нарастало в голосе Джудит. — И принял бы, не будь ты такой занозой в заднице. Тебя же никто и не спрашивал!

— Так и что? А как бы он узнал, что его футболка это не повод для гордости, а, скорее, для стыда? — расхохотавшись, бросил он. — Как и твоя Лори, они жалкое фуфло!

— Ты упрямый болван, — ее щеки покраснелись, грудь заходила выше.

Фил демонстративно сложил руки на груди.

— Мне, вообще-то многое не по душе. Где-то молчу, а где-то — не собираюсь! Даже если этого кому-то очень хочется! — В его взгляде блеснул металл, — Не нравится? Закрывайте уши!

Как оказалось, и это не играло большой роли. Стоило лишь обращать больше внимания на то, что ей в нем нравилось. Голос внутреннего надзирателя превратился в назойливого, но бессильного комментатора. Сперва — по отношению к Филу и остальным, а после — и к самой себе.

Раздражающая жара и закаты после десяти вечера вновь стали обыденностью. Наступили каникулы, и Джудит с Филом ехали домой. Парочка неслась на стареньком мотоцикле, который буквально хрипел от тяжести. Джудит наклонилась к уху парня:

— Фил, останови здесь!

Он притормозил. Мотор тихонько похрюкивал, словно довольный передышкой. Джудит слезла с мотоцикла и, сняв сумку, поставила ее рядом.

— Разве мы уже приехали?

— Ну, почти. Хочу просто немного пройтись.

— И не познакомишь меня с родней?

— Не чувствую, что готова. А тем более, что готовы они, — Джудит усмехнулась, глядя на Фила. — Давай потом.

Парень немного осунулся, губы сжались в тонкую, бледно-розовую полоску на загорелом лице.

— Э-э-эм... ну ладно.

Она поцеловала его и крепко обняла.

— Я тебя люблю!

— И я тебя... — он снова прильнул к ее губам. — Я тебя тоже, Джудит. До скорой встречи!

Она мягко сжала его руку на прощание и пошла к дому. За спиной снова натужно зарычал мотор, а вскоре его звук и вовсе исчез. На мгновение Джудит почувствовала старый, знакомый укор внутри.

Возвращение обрадовало ее больше, чем она могла себе представить. Как только Джудит подошла к крыльцу, ее окатила волна тоски по месту, где она прожила

всю жизнь. «Пара месяцев дома, с мамой и папой», — теплом разлилась мысль по телу.

Однако реакция мамы на платье была как ведро студеной воды за шиворот. После амбивалентной встречи Джудит поднялась к себе, на второй этаж — ее скромная комнатка осталась нетронутой. Узкая кровать под скосом крыши, широкий платяной шкаф у двери. На подоконнике лежал давно иссохший маковый цветочек, который она сорвала незадолго до отъезда.

Она встала перед зеркалом, рассматривая красивое атласное платье. Да, оно подчеркивало фигуру, но что с того? Почему ей нельзя самой решать, в чем ехать? Чувство вины нависло над ней, прежняя жизнь вновь обхватила за горло. Да, она маскировалась под объятия, но Джудит рассмотрела хищную хватку. «Хватит, — буркнула она. Брови сошлись на переносице, ямки над ними углубились в болезненной решимости. Она отряхнулась, — Я больше не хочу так жить».

С улицы донесся звук подъехавшей машины и короткий писк клаксона. Джудит бросила взгляд на часы — отец уже приехал. Как была, в платье, Джудит побежала вниз.

На капот заведенного автомобиля облокотился ее папа. Седые волосы растрепались на ветру, а взгляд, вечно смотрящий как бы сквозь, замер на входной двери. Как только она выскочила на улицу, он заулыбался и раскинул руки для объятий.

— Вот это ты выросла! — Джудит подбежала к отцу и обняла его. Тот чмокнул дочь в макушку и прижал к себе. — Как я рад тебя видеть.

Мама вышла вслед за Джудит. Увидев, что дочь так и осталась в своем наряде, она, не проронив ни слова, прошла мимо них и села на переднее сиденье. Папа с недоумением посмотрел на Джудит.

— Ей... — ее взгляд впился в землю, голос стал тише, — маме не очень понравилось, что я надела это платье.

«Но я не успела его поменять», — только было хотела она оправдаться, но остановилась.

— Ладно, ей виднее, — хмыкнул отец. — Да и вообще, тебе что, сложно было переодеться? Теперь опять мама будет как в воду опущенная, а нам с тобой с этим что-то надо делать, — его глаза слегка забегали, рот раскрылся в неуверенной усмешке.

— Папа! Но ведь платье хорошее?

— Да, в целом, красивое платье, тебе очень идет. Но... — он ткнул пальцем назад в машину и покачал головой. — Ладно, поехали, дорогая. Столик заказан, время не ждет.

Всю дорогу мама сидела с каменным лицом и не проронила ни слова.

— Шани, а ты сказала, что у нас скоро будет барбекю?

Жена даже не повернулась в его сторону. Ни один мускул на ее лице не дрогнул,

она уставилась на дорогу, словно вопроса не было.

— Да, Джудит, к нам на выходных придёт мой босс с семьей. Поболтаем, покушаем! — Он глянул на дочь через зеркало заднего вида. Джудит уловила немой крик о помощи.

— Приготовим стейки? Я их обожаю! И, конечно же, мамин любимый печеный сыр?

— О да! Шани, ты наверное ждешь этого больше всего?

Женщина отвернулась. Дальнейшая поездка проходила в гробовой тишине. Отец перекинулся с Джудит парой фраз, но общая гнетущая атмосфера не располагала к общению.

После приезда похожие ситуации происходили чуть ли не каждый день. Она опять надела то платье. Снова не захотела рассказывать о своем друге. Даже вечер после барбекю, и тот был на ножах.

— Джудит, ты зачем выиграла у него в карты?

— Ну я просто играю лучше, чем он, вот и победила, — отмахнувшись, с улыбкой на лице ответила девушка.

— Но не четыре же раза подряд! — Шани подняла голос, показывая, что говорит серьезно. — Ты ведь видела, как бедный мальчик расстроился? Его отец, наверное, очень за него переживал. Понимаешь... я просто не хочу, чтобы это отразилось на работе твоего папы!

— Каким образом?

Шани крепко зажмурилась и покачала головой.

— Ты же знаешь, как сложно получить повышение. Не хотелось бы, чтобы такие шероховатости помешали. Лучше бы тебе было дать мальчику почувствовать себя умелым игроком.

— Да зачем? Это же просто игра! — голос Джудит слегка усилился.

— Я просто прошу быть тебя внимательной и осторожной, вот и всё, — голос Шани стал тихим, бесцветным. — Разве это много?

Точкой кипения стал визит старшей сестры ее матери, Линды. Линда когда-то помогла купить тот самый дом, где теперь жила семья Джудит, и считала своим долгом приезжать на каждую годовщину новоселья.

Мама с папой с утра крутились на кухне, готовясь к встрече. Джудит хлопотала по дому: мыла окна, стряхивала пыль с картин и ваз.

— Не забудь поставить фотографии, — донесся голос из кухни.

Перед приездом они ставили фотографии Линды рядом с семейными. Этот странный, но укоренившийся ритуал неприятно кольнул Джудит. Она пошла в чулан, небольшую комнатку под лестницей, и достала несколько фото в рамках. Через пару минут они уже стояли на комод, отодвинув в сторону снимки с семейного отдыха.

Раздался стук в дверь. Мама Джудит, Шани, поспешила открыть и впустить гостью.

— Ну и жара сегодня! — с порога бросила Линда. Ее полное тело покрылось легкой испариной. Летнее платье из полупрозрачной ткани развевалось на сквозняке. Женщина улыбалась, глядя на хозяев, но в ее глазах плясал изучающий огонек.

— Шани, прелесть, отлично выглядишь! Ты вообще стареешь или, может, у тебя на чердаке припрятан волшебный портрет?

Мать Джудит неуверенно улыбнулась. Линда закрыла за собой дверь, чмокнула сестру в щеку и протянула ей пакет с подарками. Шани достала коробку шоколадных конфет и бутылку вина.

— Как мило с твоей стороны, Линда!

— Да, я знаю. Помню, ты вино не пьешь... но я люблю, и Курт, думаю, не откажется составить мне компанию, — она подмигнула мужу сестры.

Тот лишь неопределенно дернул бровями, глянув на жену. Поймав ее взгляд, он замешкался, так ничего и не ответив. Аромат еды разбудил в Линде уснувшее в дороге чувство голода.

— Ох, как все аппетитно! Знаете как нужно принимать любимых гостей. Стоящая за ее спиной Шани слегка улыбнулась.

— Теперь ты заправляла приготовлением обеда, моя малышка? — спросила она Джудит. — Или пир все еще на плечах родителей?

Джудит только хотела ответить, но голос мамы прозвучал раньше. В нем слышались извиняющиеся нотки.

— В следующем году Джудит займется этим! Но она и сегодня не сидела без дела, — Шани подошла к сестре и приобняла ее за плечо. — Смотри, как тут чисто и красиво!

Линда просканировала пространство вокруг, словно в поисках недочетов.

— Как говорил наш отец: женщина должна быть хозяйкой во всем. Тяжелый был человек, — повернулась она к Джудит, — но нас с твоей мамой он научил быть достойными людьми. Дисциплина и внимание к другим — вот что важнее всего!

— Почему? — вырвалось у нее.

Линда удивленно уставилась на девушку. Шани бросила на дочь холодный взгляд.

— В смысле «почему»? А как еще?

— А по-другому и никак! — веселым голосом воскликнула Шани.

— Ну как же, — огоньки появились во взгляде Линды, — а наша сестричка? — черты лица тётушки стали угловатее, на щеках проступил бордовый румянец. — Решила, что может делать, что ей хочется... эгоистка. Уехала в чертовы джунгли, повесила на нас все заботы!

Шани невольно сжалась. Средняя сестра, Эмили, обычно не упоминалась в разговоре никогда, так как запятнала честь семьи. Вместо того, чтобы быть достойной дочерью и опорой, она самовольно уехала на другой континент.

Появившиеся было у Шани планы поехать к Эмили в гости было надежно выкорчеваны еще в младшей школе.

— Ты что, хочешь опозорить семью? Бомжевать в каких-то аулах? — отец отмахивался от ее просьб поехать к сестре. — Она просто неблагодарная дура. Сестра называла это мечтой, но в семье ходило другое слово — предательство. Шани отмахнулась от воспоминаний — ей и так было не по себе.

— Ну, давайте-ка за стол, пока все еще горячее. Курт, — она повернулась к мужу, — будь добр, принеси бокал для вина.

— Два бокала, — сухим тоном уточнила Линда.

— Да, два бокала.

Едва различимое напряжение исчезло после первых минут застолья. Семья общалась, вспоминала те дни, когда они только въехали сюда. Как родилась Джудит, как делала здесь первые шаги. Затем разговор зашел об учебе и работе. А под конец бутылки, как это обычно и бывает, беседа перешла к политике. Слегка захмелевшая тетя Линда хлопнула себя по ноге. Ее лицо, покрасневшее от жары и вина, исказила гримаса недовольства.

— А эти, мигранты? Видели новости? — она окинула взглядом всех собравшихся. — Опять грабёж в китайском квартале! Просто зоопарк какой-то... — Она махом осушила полбокала, — самое место для этой дуры, Эмили.

— Воров ведь поймали и те были местными! — запротестовала Джудит. Она читала новости как раз сегодня утром.

Линда на мгновение рассмеялась, но тут же осеклась и впилась в Джудит цепким взглядом.

— Да и что?! Какого черта они тут забыли? Все только портят!

— Обвинить во всех грехах кого-то из-за другого разреза глаз... очень удобно!

— Мелочь, ты-то думаешь в колледже побывала да поумнела? — брови сошлись, напоминали крылья орла в пике. Зубы заблестели, местами красные от вина. — Еще и года не прошло, как ты проходной тест по географии провалила! — она повернулась к Шани, побелевшей как мел. — Ничего не скажешь, гордость семьи!

Джудит встала из-за стола. Ее щеки залил румянец, глаза едва заметно блеснули.

— Видимо, знание географии не повод для гордости или стыда! И, может, я разбираюсь далеко не во всем, но с тем, что ты говоришь, тетя Линда, я не согласна!

Глаза Линды, слегка навывкате, провожали идущую по комнате племянницу. Рот ее приоткрылся от удивления и возмущения, но не издал ни звука.

Остановившись на первой ступеньке лестницы, Джудит обернулась и напоследок бросила:

— Тебе бы пора уже открыть глаза, тетушка. Обзор-то у тебя шире, чем у твоих заклятых врагов!

— Джудит! — крикнула ей мать. — Немедленно извинись!

Но та уже бежала наверх, не обращая внимания на приказ. Она была сыта ужином по горло. Закрывшись в комнате, Джудит лежала на кровати и мечтала только об одном: снова оказаться в кампусе, в своей комнате. В расстроенных чувствах Джудит провалилась в прерывистый сон, который продлился до самого утра.

Стук в дверь вернул ее в реальность. Солнце стояло высоко, подмигивая из-за редких облаков.

— Иди завтракать, — донесся из-за двери голос мамы.

Джудит вспомнила вчерашний вечер. Ей было грустно, что она огорчила родителей. Можно ведь было и промолчать... Но, видимо, не в этот раз.

Отбросив ползущие внутри щупальца самобичевания, она встала с кровати.

На столе ее ждали ароматные тосты с абрикосовым джемом и большая чашка какао — любимый завтрак из детства. Джудит улыбнулась матери и села за стол. Та ответила тем же, однако в ее глазах стояла какая-то тоска. «Наверное, она все еще злится», — подумала Джудит.

— Мам, я не хотела, чтобы ты вчера переживала и... и вообще, — начала она. — Ты же знаешь, я тебя люблю.

— И я тебя люблю, доченька. И я вижу, что с тобой происходит что-то ненормальное.

Джудит отхлебнула какао. Вкус был потрясающим, но каким-то непривычным. Может быть, она просто отвыкла?

— Ты... ты ведешь себя очень опасно, — продолжила Шани, — в первую очередь для себя самой!

— Не понимаю, в чем опасность? Я просто могу...

— Ты подумай, как к тебе будут относиться люди? Ладно я, твоя мама. Пусть ты так издеваешься надо мной, я тебе все прощу. — Глаза матери едва заметно увлажнились. — Ты была такой хорошей девочкой! А теперь?

— Но я ведь не издеваюсь над тобой!

— А другие люди? Почему ты о них не думаешь? От них же зависит твоя жизнь!

— проигнорировав ее реплику, продолжила Шани. — Ты должна думать, что и кому ты говоришь, как поступаешь!

У Джудит слегка закружилась голова. Она сделала глоток, тот вязко прокатился по горлу. Вкус был чересчур приторным. Да что же ее мама в ней видит? Мысли беспорядочно убегали от неё, а головокружение усиливалось.

— Мама, мне что-то нехорошо.

— Не переживай, я с тобой. Я помогу тебе, чтобы у тебя все было хорошо. Это моя главная задача в жизни, и я не позволю себе оплошать. — Она подошла к дочери и положила ее голову себе на колени. — Ты будешь достойным человеком, Джудит. Ты не оступишься, как Эмили, я не позволю! Прости, но это ради тебя!

— Ты о чем?..

В глазах все поплыло. Кухня закружилась, веки словно кто-то потянул вниз.

Джудит отключилась.

Очнувшись, она увидела, что лежит на кровати в бедно обставленной комнате. Все в скучных, белых тонах. На потолке потрескивала длинная лампа, разливая холодный свет.

— Джудит, как вы себя чувствуете?

Она подняла голову. В ногах сидела женщина в белом халате. Короткие волосы и широкие скулы в сочетании с узким носом придавали ей сходство с инопланетянкой. Она подняла с колен планшет и сделала пару заметок.

— Вы кто?

— Лечащий врач клиники коррекции поведения.

— Это какая-то ошибка, я... Мне было плохо, и, может, меня отправили в больницу, — Джудит приподнялась на локтях, — но здесь мне делать нечего.

— Ваши родные считают иначе, — она показала бланк с подписью ее матери.

— Я хочу уйти!

— Вы не можете уйти, — безапелляционно отрезала женщина. — Не беспокойтесь, вас не ожидает ничего страшного. Нужно лишь пройти курс инъекций и побыть под нашим наблюдением несколько недель.

В смысле, она не может уйти? Как бы не так! Джудит встала и подошла к двери. У выхода она с нарастающим ужасом осознала, что ручки нет — поверхность была гладкой, как стена. Лишь едва выступающий считыватель электронных ключей поблескивал на уровне груди.

— Выпустите меня!

— Я не могу вас выпустить, вы — на лечении. Но не беспокойтесь, — прозвучал ее голос, словно запись на повторе, — через две недели вы выйдете отсюда, и вам станет намного лучше.

— Но мне и так хорошо, мне не нужно лучше!

Врач достала из кармана коммутатор.

— Кевин, отведи девушку в палату, сделай инъекцию. — Она бросила взгляд на Джудит, что стояла у выхода, вжавшись в стену. — И прихвати успокоительное. Снаружи послышалось движение. В комнату вошел рослый мужчина и так быстро всадил шприц в плечо Джудит, что та толком ничего и не поняла. Она и не подозревала, что руку можно сжать так больно. Внезапно тело девушки обмякло и расслабилось. Она едва не упала, но её осторожно подхватили и понесли прочь.

Что происходит, Джудит понять не могла. Ей было страшно. От неопределенности, от бессилия, от ощущения рабства. Она хотела закричать, но тело не слушалось. Вспомнились слова матери: как она говорит, что всё это ради неё, что это главная задача матери — сделать Джудит достойным человеком. Но разве Джудит уже не достойный человек?

Препарат парализовал тело полностью. Но, что страшнее, вернувшаяся картина

кухонной беседы парализовала волю. Джудит хотела перестать дышать. Слезы струились по ее лицу, когда мужчина уложил ее на кровать в комнатке, не сильно отличавшейся от предыдущей.

— Не переживай, дорогая. Родители делают это для твоего же блага. — Он достал шприц и щелкнул по нему, выпустив воздух с капелькой лекарства. — Что-то с тобой произошло в последнее время, но нет ничего непоправимого. Эта штучка, — он покрутил иглой перед ее неподвижными глазами, — вытравит то, что налипло.

Он ввел иглу под кожу, протер место укола ваткой и заклеил пластырем.

— Еще минут десять ты не сможешь двигаться. Но не бойся, за тобой присматривают, — он ткнул рукой куда-то вверх. — Если что-то понадобится, просто скажи вслух.

С этими словами мужчина сдержанно кивнул и вышел.

Ощущения Джудит притупились. Не телесные ощущения — те вообще были недоступны, — а внутренние. Она уже не чувствовала страха и обиды, не хотела вырваться отсюда так отчаянно, как двадцатью минутами ранее. Внезапно в голове всплыл эпизод: как она, гуляя с Филом у озера, не ответила на звонок матери. Теперь почему-то ей стало невыносимо стыдно за тот случай. Она ощущала грызущую тяжесть, но не могла понять, почему тогда так поступила. Джудит казалось, что она знает, но это знание было каким-то игрушечным, выдуманным.

Все время, проведенное в клинике, смазалось в один непрерывный пласт.

Наступил очередной день «исцеления». Джудит снова сидит в манипуляционной. Перед ней, уперев локти в стол и слегка наклонившись, человек в белой медицинской маске. Из-под нее видны лишь глаза. Их выражение было таким же монотонным и безучастным, как и все вокруг.

— Джудит, опишите свои ощущения.

— Я не понимаю, кто говорит в моей голове... Я или не я?

— А что вы слышите в своей голове?

Джудит подняла глаза к потолку, закусив нижнюю губу.

— Что я не огорчаю родителей, а просто поступаю по-своему.

— Но ведь родители огорчаются, — доктор достал фотографию ее отца с матерью; Джудит автоматически перевела на нее взгляд, — и они огорчаются не просто так, а из-за ваших действий, Джудит.

— Да, но я ведь просто хочу делать то, что считаю нужным.

— Даже если это ранит других людей, ваших близких?

— Нет, я хочу, чтобы они были счастливы, — ее голос едва заметно окреп.

— И они будут, Джудит. Мы с вами как раз над этим работаем. — Врач встал и подошел к девушке. Игла пронзила кожу. — Скажите, что сейчас всплыло в памяти.

Джудит с минуту тихо сидела, прикрыв глаза. Ее колени были сведены, руки

нервно потирали бедра.

— Фил! Я послала его к чертям, чтобы он оставил меня в покое! Чтобы отвалил после того, как отпустил одну из своих дурацких шуток, которая меня задела. На глазах накатились первые слезинки. Она нервно стряхнула их.

— Этот Фил... представить только, он шутил над вами? Разве это нормально? Не зря ваша мама недовольна! — Врач цокнул языком, — но и вы хороши... можно ведь и промолчать?

— Да, я знаю! Я знаю, я не должна так делать!

— Вы не должны, и вы большая молодец, что понимаете это, — доктор ободряюще сжал ее руку. — Чувствуете что-нибудь еще?

— Да... Тетя Линда... Я разозлилась, что мне нужно вешать ее фотографии!

— Ведь это ваша любимая тетя, — покачав головой, произнес врач.

Джудит разрыдалась. Сквозь слезы она пыталась сказать что-то еще, но все сливалось в один сплошной всхлип.

— Ладно, на сегодня достаточно, Джудит. Остальное — на самостоятельную работу в палате.

Поначалу, возвращаясь в комнату, Джудит леглась на кровать и делала вид, что спит. Лежа с закрытыми глазами, она старалась пересмотреть разговор с доктором. Когда он говорит, всё так логично и складно. Но здесь, наедине с собой, когда лекарство ослабляет хватку, Джудит сама с собой боролась за признание, что в ней нет однозначного зла.

Это зажигало в ней огонёк, который заставлял ее помнить о том, что ей можно быть, можно хотеть и можно думать так, как она считает правильным. Но в то же время другое убеждение набирало силу: «О каком удобстве ты шепчешь, что это за жалкие попытки оправдаться? Ты неблагодарная, ты эгоистичная — вот и всё!». Состояние внутренней схватки разъедало изнутри. Обезумевшие от ярости пасти выскакивали из темноты и таскали ее до тех пор, пока Джудит не проваливалась в черноту сна без сновидений.

Вчера ей сделали последний укол. Теперь, в манипуляционной, она ждала, что будет дальше. Дверь отворилась, и она тут же встретилась взглядом с доктором.

— Меня сегодня выпустят?

— Да, сейчас вас отвезут домой. Мне нужно лишь, чтобы вы поставили здесь подпись, — она указала на бланк и протянула ручку.

Джудит подтянула к себе лист и расписалась.

— А как я пойму, что со мной теперь все в порядке? Этот гул в голове и это ощущение... словно я что-то делаю не так? Когда мне станет легче?

— Это остаточное действие лекарства. Все пройдет к завтрашнему дню. —

Доктор открыла дверь пошире. На ее лице кто-то пришил улыбку, вырезанную не по форме из глянцевого журнала. — Прошу, вам пора.

Буйство красок снаружи на миг чуть не сбilo девушку с ног — настолько однотонным было ее окружение в последнее время. Сев в машину, она жадно

вглядывалась во все, что видела из окна. Посадки деревьев, луга, встречные машины и дома — все было таким сочным, таким живым.

Она и не заметила, как перед глазами оказался ее собственный дом. Джудит хлопнула дверцей и пошла по дорожке к крыльцу. Дикое ощущение дежавю охватило ее. Она вспомнила, как после долгой разлуки толкала входную дверь. «Привет, я дома!» — прошептала она себе под нос. Тогда она была в платье, которое так огорчило мать. Надо бы от него избавиться...

Дверь отворилась, и на пороге показалась Шани. Как была, в домашней одежде, она выбежала на крыльцо и заключила дочь в объятия.

— Девочка моя! Как я рада тебя видеть! — Слезы текли на плечо Джудит.

Она тоже обняла маму и зарыдала. Та, всхлиывая, продолжала:

— Я не могла по-другому! Мое солнце... — она взяла ее за плечи и внимательно всмотрелась в глаза, — я каждый день звонила и спрашивала, все ли хорошо. Но я хочу услышать от тебя: тебя кормили, с тобой хорошо обращались?

— Я не знаю, мама... — всхлиывая, ответила Джудит. — Мне было страшно. Я так рада, что ты снова со мной.

— И я очень рада! — Шани вытирала слезы дочери халатом, озираясь вокруг.

Вдруг зазвонил телефон. Шани взяла трубку.

— Алло! Да, привет, Линда!

Джудит вспомнила тот вечер. Ей стало очень неловко, она опустила глаза.

— Да, уже дома! Сейчас включу погромче, — с этими словами она переключилась на громкую связь.

— Привет, тетя Линда, — тихим голосом сказала Джудит. — Привет! Как ты себя чувствуешь?

— Вроде бы, хорошо... Я так рада, что уже дома.

— А ты, — прервал девушку похолодевший голос, — ничего не хочешь мне сказать?

Голова Джудит опустилась еще ниже.

— Я... простите меня, тетя Линда. Мне стыдно за то, что я вас обидела.

— О, еще как тебе должно быть стыдно! Но я рада, что ты все поняла. Они все-таки тебя исцелили. Видимо, нахватались где-то всяких бредовых идей, — ее тон повысился. — Правильно я говорю, Шани?!

Будто камень свалился где-то внутри Джудит, стало легче дышать. И зачем только она огорчала этих людей? Людей, которые желают ей только добра?

— Да, конечно! — голос мамы вырвал ее из размышлений.

— Мы с Шани посоветовались и решили перевести тебя в местный колледж. Теперь ты будешь ближе к нам. Разве не здорово?

На мгновение Джудит почувствовала ком в горле, но он тут же рассеялся, сменившись тихой радостью и ощущением безопасности. Да, ей нравилось учиться в том колледже. Но что с того? А Фил? Фил... появилось ощущение, что из-за него она чуть было не рассорилась с мамой, с тетей. А ведь семья — это

самое важное, что у нее есть.

— Спасибо вам, — тихонько произнесла Джудит.

— Ох, как меня радует, что все налаживается! — воскликнула Шани.

— И меня тоже, — вторила Линда.

Трубка замолчала, и Шани отправила ее в карман халата. Она взяла дочь за руку и притянула к себе.

— Как хорошо, что ты дома, солнышко.

— Да, мам, — Джудит чувствовала себя спокойнее, но совершенно без сил. — Я так устала... мне нужно в душ.

— Конечно. Приходи на кухню, как закончишь.

Бросив вещи в корзину для белья, она включила воду. Горячие, почти обжигающие струи накрыли ее, унося с собой в канализацию накопленную усталость. Да, теперь ей легче. Как прекрасно чувствовать любовь и принятие дорогих тебе людей.

Джудит подставила лицо под поток воды. Она так давно не видела теплоты в глазах мамы... Но сегодня все вновь встало на свои места. Сердце в груди затрепетало. Мягко, но с ноткой тоски. «Отчего же мне грустно? — думала Джудит, стоя с закрытыми глазами и нежась под струями воды. — Быть может, от всех этих пререканий? Или из-за того, что мы с Филом теперь будем далеко?».

Она выскочила из душа, наспех вытерлась и побежала к себе в комнату. Давно разряженный телефон валялся на кровати. Она поставила его на зарядку и положила на стул, поверх атласного платья. Девушка нахмурилась. «Пожалуй, лучше выбросить». Давно знакомый голос проворковал в голове: «Верно, ты должна уважать мнение старших». Он утратил свои воинственные нотки и жесткость, снова став ее другом.

Телефон тем временем ожил. На экране загорелись десятки уведомлений о звонках и сообщениях. Все от Фила. Она открыла сообщения. В основном они были такого плана: «Джуд, ты где? Моргни, если тебя держат в заложниках! Напиши мне как можно скорее!».

«Какие примитивные шутки. Неужели он не помнит, что они тебе не нравятся?» — проплыл очередной мысленный комментарий. Неожиданно для себя, Джудит почувствовала нежелание говорить с Филом. Почему же он стал ей так резко чужд? Она даже не хотела размышлять — и так всё ясно. Безответственный, заносчивый оболтус-неряха. Она положила телефон на место. В руке все еще было скомканное платье. Крепче сжав его, она вышла из комнаты и спустилась вниз.

Она пронеслась мимо матери, через кухню к мусорному ведру и швырнула туда платье — атлас с шуршаньем сполз по целлофану вниз. Больше она не пожертвует душевным покоем ради каких-то нарядов. Обернувшись, Джудит увидела, что Шани с любовью смотрит на нее. Отставив кружку, та подошла к

Джудит.

— Доченька... Я так рада, что ты снова возвращаешься ко мне.

Джудит прижалась к матери, вдыхая запах ее неизменных духов. Шероховатости в груди уже практически ушли, уступая место гладкому, отполированному пространству.

В клинике Джудит не отпускала мысль, что ее калечат, выдавливают часть истинного я. Но теперь все стало ясно. Они выдавили гной, и теперь она вернулась. Снова.

Бартер

Мужчина средних лет с идеально уложенными волосами, в безукоризненном костюме и с переполненным гордостью взглядом стоял перед небольшой аудиторией.

— Мы имеем всё больший вес на рынке, — подытожил он выступление. Замени его на любого другого из сотни безликих конференций — не заметишь разницы.

— Индивидуальный, ориентированный на максимальный результат подход качественно отличает нас от конкурентов. И это всё благодаря таким профессионалам, как вы.

Аудитория одобительно зааплодировала, всё шло согласно отточенному ритуалу. Может быть, кто-то и видел во всём этом глубокий смысл... невозможно, чтобы такие крысиные бега держались на одной инерции. Топ-менеджер закончил презентацию и, откланявшись, отошёл в сторонку к группе сотрудников, ждавших его с вопросами.

Мужчина сорока лет едва заметно выдохнул, встал со скрипнувшего стула и подошёл к окну. «Рынок, клиенты, конкуренты», — в висках неприятно давило. Он потёр лоб, разматывая слипшиеся от пота волосы.

Его взгляд перескочил за окно — с такой высоты город выглядел будто игрушечный. В серых, выцветших глазах словно кто-то похозяйничал и украл жизненный блеск. Шальная мысль прыгнуть вниз, к маленьким машинкам, пришла в голову из ниоткуда, он вяло отмахнулся от неё.

Престижная работа, хороший коллектив, дома ждут жена и пара детишек, а он сам уже с год как не попадал к врачу, даже не простуживался. Чего ещё можно желать? «Вылезти из этой золотой траншеи», — угрюмо пробурчал он под нос. — Том, ты чего застыл? Пойдём, зальём в тебя немного кофе, — из апатической задумчивости его вытащил весёлый голос Лили, его коллеги. — Ты как на похоронах, честное слово.

— Спасибо за комплимент. На кого больше смахиваю — на заурядного участника или виновника торжества?

— Ох, — женщина закатила глаза, каштановое каре раздражённо качнулось, — давай завязывай.

Он был бы и рад, но не знал как. Говорят, «не в своей тарелке»? Том ощущал себя не в своей кухне. Ночью, когда жена посапывала рядом и шум от резвых детишек утихал, он лежал с закрытыми глазами, не в силах уснуть. Том крутил в голове альтернативные версии того, кем бы он был: то он плывёт на огромном лайнере в полугодовом путешествии, предоставленный лишь себе и куче

непрочитанных книг; то разносит почту и желает хорошего дня людям, которых забудет через пару часов. Старая жизнь упакована в непрозрачный мешок и сложена на кучу секунд-хенда.

Но после беспокойного сна, утром, он лезет назад и достаёт из пакета привычную, но уже такую тесную робу себя.

Женщина ухватила его за лацкан, увлекая прочь из конференц-зала. Жёсткий воздух системы кондиционирования сменил собой лёгкий ветерок из приоткрытого окна кухни.

Кофемашина тихонько погрюкивала, занятая работой. Аромат свежемолотых зёрен приятно прокрался в ноздри, откидывая назад гнетущие мысли. Лили достала чашки с дымящимся напитком и протянула одну из них Тому.

— Ты как вообще? Выглядишь хуже, чем обычно.

Том отвернулся и задрал подбородок, посверливая глазами потолок. Лили, опустив голову, положила ладонь ему на плечо. Минорный, дружеский жест помог почувствовать себя лучше.

— Да ладно, не всё так плохо, — едва улыбнувшись, произнёс Том. — Всё вообще... не плохо.

— Слушай, не моё, конечно, дело. Но не могу смотреть на твои мучения, — она легко двинула Тома локтём, — не хочешь поделиться?

— Да нечем делиться. Зажрался я, вот и всё. Хочу просто, знаешь... испариться! Он впервые поделился своим ощущением с кем-то, кроме жены. В тот вечер та презрительно фыркнула и сказала, что нужно быть благодарным за то, что у него есть. По логике вещей, она права. По сути, это был скотч, грубо затянутый вокруг его рта. Сверху кто-то маркером нарисовал лучезарную улыбку.

Лили серьёзно смотрела ему в глаза, не мигая.

— Знаю. Только не «зажрался» ты, а заблудился. Или направление уже не то. Поверь мне, я понимаю тебя как никто другой.

Том вопросительно взглянул на подругу.

— Когда-то и я была на твоём месте, — она осмотрелась по сторонам, — пока мне не помогли. Вроде бы всё как надо... но однажды ты просыпаешься и понимаешь, что эта жизнь ни плохая, ни хорошая — просто не твоя.

Клерк невольно хохотнул. Должно быть, она просто старается его поддержать: видимо, он выглядел из ряда вон упадническим. Однако лицо Лили никак не отреагировало на попытку смягчить напряжение. Она снова дёрнула его за рукав.

— Я серьёзно, драть тебя в залысины! И если ты тоже — могу помочь. А если нет... забудь об этом разговоре.

Лили не шутила, это стало ясно. Том повернулся к ней, мышцы лица расслабились, межбровные складки исчезли. Сам от себя не ожидая, он едва слышно прошептал:

— Помоги мне.

Она поставила чашку и кивнула головой в сторону лифтов.

— Но ведь... сейчас ведь будет семинар? — возразил было он.

— Стокгольмский синдром — это про тебя, — бросила она, и стук её каблуков стал удаляться.

Том ощутил внутреннее сопротивление — у него ведь есть обязанности. Перед глазами замаячили отчёты, над которыми он засиживался три последние ночи. Однако что-то подсказывало, что сейчас он должен делать лишь одно — следовать за Лили. Отбросив колебания, он рванул к лифту и выставил ногу между съезжающими дверьми. Те отступили, и он вошёл внутрь.

Глянув на подругу, Том ожидал увидеть раздражение или недовольство. В её глазах прослеживалось лишь понимание. Кабина потащилась вниз.

— Куда мы направляемся?

— К Иштарии. Она сможет помочь.

Лифт выпустил пару на подземную парковку. Запах потёкшего бензина вперемешку с сыростью зарубил едва уловимый, тонкий аромат духов Лили. Иштария? Это та, что помогла Лили? Том не спрашивал, просто молча шёл рядом, хоть вопросы и крутились в голове. Двухполосные стенки и низкий, измазанный потолок слегка давили, вызывая чувство клаустрофобии. Около Тома, в левом ряду, мигнули фары.

— Прокатимся? — женский голос нарушил молчание.

Том хлопнул дверью, и Лили повернула ключ — мотор приятно заурчал, делясь едва уловимой вибрацией с салоном. Пятнистый от непрекращающихся дождей седан и кашлянул выхлопом. Небо, полное грузных облаков, разгоняло зевак в дома и под навесы.

— Кто такая Иштария? — глядя на текущие по ветровому стеклу капли, спросил Том.

— Она поможет тебе освободиться.

— От чего? Я, вроде как, сам себе хозяин.

— Так и есть. Она поможет освободиться... от себя, — Лили хмыкнула. Руль пошёл вправо, и машина сошла с основной дороги в неприглядные дворовые пролёты. — Скорее от того, что ты называешь собой.

Мокро-серые панельные дома мелькали разнобойными рядами, прерываясь островками мусорных баков. Машина остановилась у одной из невзрачных построек. Только капли барабанили по безлюдным улицам.

Том вышел из авто, закрыл дверцу и поднял лицо к небу. Воздух, перетрушенный дождём, был освежающим и плотным. Он вдохнул до упора — настолько тот был хорош. «В таком районе я бы ожидал найти лишь несколько граммов второсортного кокса», — проскочила плутовская мысль. Не балуется ли Лили часом? Уловив его взгляд, она указала на дом, и они двинулись по грязноватой дорожке ко входу.

Если Лили имеет в виду такое освобождение... не его вариант. Но что-то всё

равно тянуло его за ней. Необъяснимая уверенность обосновалась в Томе ещё до того, как открылись двери офисного лифта.

Наконец, они оказались на верхнем этаже. В отличие от других пролётов, на этом уровне была лишь одна дверь. Необычайно широкая, отделанная не вписывающимся в общий обшарпанный тон красным деревом. Затейливые узоры искусной резьбы покрывали дверь сверху донизу. Восьмилучевая звезда раскинулась в центре, рассыпая вокруг цветы, выющиеся по жезлам и утопающие в россыпи резных джунглей.

Лили толкнула дверь, та мягко поддалась. Том задержался на пороге: он коснулся звезды — рубленая, гладкая поверхность была тёплой, несмотря на студёный воздух. Кончики пальцев запульсировали, передавая ритм всему телу. Он почувствовал осторожное касание, обхватившее его висящую ладонь — с этой стороны прокатилась такая же пульсация, и обе волны, встретившись где-то посередине, расплескались будоражащими брызгами внутри Тома.

Он почувствовал, как слёзы подкрались к уголкам глаз. Сомнения, да и вообще любые мысли, словно кто-то вынул из головы. Звонящая тишина и непривычное состояние течения с миром на миг заставили подумать, что он спит.

— Здравствуй. Похоже, ты давно ищешь, — донеслось до него снизу.

Он смахнул капельки с век и повернулся к женщине, что держала его за руку. Низенькая старушка с глубокими морщинами, с седыми, длинными косами, что дикими выюнами, ползли вокруг тела, с детской непринуждённостью разглядывала его лицо. В волосах переливались каменные заколки и украшения из янтаря и изумрудов.

— Наверное... Вы — Иштария?

— В том числе, — потянув его за руку, увлекая вглубь комнаты, нараспев сказала старушка.

Том принялся — солёный морской бриз островатой сухостью прошёлся по носовым пазухам. Нет, так не пахнет ни один освежитель воздуха. Ошалелыми глазами он посмотрел на старушку. Словно выскочив из ниоткуда, появилась Лили и приобняла Тома за плечи. На какое-то время он напрочь забыл, как и благодаря кому он здесь оказался. Уловив его растерянность, Лили усмехнулась, блеснув жемчугом зубов.

— Только не секонд-хенд, а, скорее, бартер, — произнесла Иштария.

Он изумлённо уставился на неё. Старушка уже отпустила его руку и медленно двигалась к диванчику у широкого окна. Рядом с ней шла Лили — они о чём-то тихо разговаривали. У Тома возникло ощущение, что они давние друзья: Лили заливисто засмеялась, в то время как Иштария замахала руками над головой, что-то активно изображая.

Иштария подошла к дивану и села в изголовье, а после жестом пригласила Тома к себе. Лили села на кресло, стоявшее подле диванчика. Стена за ними была затянута густой растительностью. Лианы крались по стенам и, обвивая карнизы,

стекали вдоль занавесок вниз, где змеились по полу.

Том украдкой глянул на подругу, обернувшуюся к нему. Уловив его нерешительный взгляд, Лили тепло улыбнулась и слегка кивнула.

— Уже близко.

Том в нерешительности застыл. Что-то подсказывало, что назад оно больше никогда не вернётся. Он подумал про жену, про своих любимых деток. Щёки дрогнули, взгляд стал словно у загнанного зверя. Что с ними произойдёт, если он вдруг... пропадёт? Он чувствовал это. И, пусть звучало это нереалистично — весь сегодняшний день был не про реальность. По крайней мере не про ту, в которой Том привык находиться.

Он представил серые, осунувшиеся лица сыновей, жену с выплаканными, полными боли глазами. Никто такого не заслуживает, а тем более — они. И всё же ноги понесли его к диванчику. Что бы ни произошло, но он хотел, страстно хотел вырваться! Не хотел причинять боль близким, но... больше не мог вернуться. Иштария внимательно изучала его.

— Не волнуйся, Том. Они будут в порядке. Ты — не ось, а спица.

— Я... исчезну?

Иштария не ответила на вопрос. Только едва заметная улыбка проскользнула на её лице. Она похлопала рядом с собой, приглашая Тома. Он подошёл и улёгся на диван. Старушка положила его голову к себе на колени.

— Как может исчезнуть то, чего на самом деле не существует?

Она приложила указательный палец между его глаз. Сперва кожу запекло, горячие волны растеклись от места касания, обволакивая глаза и катясь вниз, по телу. Том обернулся на Лили — но её уже не было. Комната пропала полностью, вокруг было бесконечное, белоснежное плато. Он дёрнулся, поднял глаза на Иштарию — над ним никого не было, кроме висящего в воздухе пальца. Тот взмыл, указал в сторону позади него, а после рассыпался в воздухе.

Том оглянулся: там беспокойным морем кучковалась толпа людей перед небольшой трибуной, вытесанной из тёмного дерева. Он встал с дивана и направился к группе.

Стерильное, ничем не занятое пространство вселяло в Тома необъяснимые переживания. Он настолько привык к вечно нависающим вокруг бетонным глыбам, прутьям фонарных столбов, гомону вечерних баров. Это же место... сплошная бесконечность. Медленно ступая, он вертел головой вокруг.

Поверхность, слегка шероховатая, уходила в даль, сливаясь на горизонте с молочным куполом неба. Едва уловимый гул становился кристаллизованной.

Он стал различать очертания людей и заметил, что в толпе были одни мужчины.

Полные и не очень, длинноволосые и короткостриженные, в кителях и заляпанных майках. Кто-то был на костылях, кто-то — в кресле-каталке.

Посреди белоснежного, слепящего ничто это тёмное пятно своим наличием притягивало его.

— Эй, привет! — крикнул он, подойдя поближе.

Активное обсуждение вмиг застыло, десятки лиц обернулись к нему. Взгляды, прилипшие к нему, были изучающими, местами оценивающими. Том постепенно приближался к толпе. Он чем-то смахивал на осторожного лесного оленя.

— Да это, похоже, мой, — крикнул мужчина с высушенным под солнцем лицом и шрамом, уходящим от щеки вниз по горлу, скрываясь в полосатой тельняшке.

— Привет, амиго!

Том пригляделся. Кричавший был похож на него, словно оставленный в роддоме брат-близнец. Он всмотрелся в других мужчин и в растерянности сделал пару шагов назад. Телосложение, раса, цвет глаз и прочие признаки отличались. Том инстинктивно подал голову вперёд, всматриваясь получше. Нет, ему не показалось: все были словно разные версии одного человека. Он потёр глаза и тряхнул головой. Кто-то хохотнул и лихо присвистнул. Теперь вся толпа взорвалась дружелюбным смехом.

Секундный страх было заставил его отойти, но враз отскочил от него, как обезумевшая муха от стекла. Том ощутил, как волосами заиграл едва уловимый ветерок. Он пригладил выпавшую прядь, не спуская настороженных глаз с толпы.

«Подойди-ка поближе», — прозвучало настолько близко, что Том готов был поклясться: чьи-то губы щекотнули его ушную раковину. Он резко оглянулся — там никого не было.

— Кто это говорил со мной!? — воскликнул Том, — что за фокус?

Грузный, с клочковатой бородой и блестящим, безукоризненно лысым черепом мужчина вышел к нему из толпы.

— Не фокус. А кто говорит... тебе никто не скажет. Даже тот, кто говорит. — Он провёл рукой по блестящей коже головы.

Рассмотрев в глазах Тома нерешительность, он протянул ладони, — мы тебя всегда ждём, приходи.

Том приблизился к здоровяку. Говоривший был бы вылитым Томом, если бы вместо позиции в юридической фирме и барбекю по выходным он работал на азиатскую мафию и качался остальное время. Изучающий взгляд не скрылся от собеседника, он ухмыльнулся. Несмотря на угрожающий вид, от него несло добродушием:

— Что, похож? Не удивляйся. Ну, — он задумчиво уставился ввысь, в бесконечное белое ничто, — или удивляйся, как хочешь. Я тут просто так давно, что чувство удивления атрофировалось. Теперь я просто жду.

— Ждёшь чего?

— Слияния. — Верзила приподнял бороду и показал рваную рану возле адамова яблока, — последняя сделка прошла не совсем гладко.

— Что за слияние?

Толпа на мгновение ожила, послышались короткие обрывки фраз, кто-то прочистил горло.

— Не думаю, что ты здесь для этого. Скорее, для бартера, — он задумчиво хмыкнул, — хотя, кто знает? Может, и я...

Тома бросило в пот: Ишгария вновь встала перед глазами. Он обернулся назад, словно собираясь уйти. Здоровяк бесшумно подошёл к нему, мясистая ладонь улеглась на плечо.

— Здесь только один выход, — он мотнул головой, указывая на трибуну, — там. Он увлёк Тома за собой, провёл в толпу, где руки со всех сторон касались его. Кто-то поцеловал его в макушку, кто-то в тесноте пожал руку. Том смотрел в глаза мужчинам — те смотрели в ответ. Их ладони плавно скользили по его плечам в поддерживающих пожатиях и похлопываниях. Он чувствовал ток, исходящий из них, а в токе — словно видел историю каждого. На какое-то секунду он захотел остановиться, стать навсегда частью целого, он словно вернулся домой.

«Ты уже часть», — вновь из ниоткуда прозвучал Голос. Тем временем руки вели его дальше. Внутри его всё дрожало, рвалось наружу — хотело быть единым со всеми и всем. Пройдя сквозь толпу, Том остановился у трибуны. Непередаваемая лёгкость пронизывала всю его сущность. Казалось, что он впервые понял, что значит — чувствовать себя живым.

Сбоку на него налетел человек: колючая щетина впиалась в шею, а воздух выскочил из лёгких под крепкими объятиями. Он и сам поднял руки, обхватив моряка. В нос ударил знакомый запах солёного ветра.

— Пришло время, родной! — отлепившись от него, сказал мужчина.

— Ты... это я? — неуверенно произнёс Том.

— Ты, я, мы, — он окинул рукой толпу, та закачалась от кивающих улыбок, — всё одно и то же. В какой-то степени.

— Не понимаю...

— Честно сказать? Я тоже не особо. Но я знаю, что мы пришли сюда друг за другом. — Уловив вопросительный взгляд Тома, он продолжил, — Голос мне сказал.

— А мне он ничего не говорил.

Моряк загадочно улыбнулся. Его серые, водянистые глаза блеснули:

— И, тем не менее, ты об этом слышал.

Том покосился на трибуну — наверху лежала огромная книга. Слепяще белая, как и пространство вокруг. Моряк положил руку на неё и жестом пригласил Тома сделать то же самое. Внутренности сковала корка льда — он, кажется, понял.

— То есть, бартер... это про нас?

Отдающее лихим задором поджарое лицо расплылось в улыбке.

— Именно!

То, что приходило к нему в снах, перестанет быть сном. Том ощутил, как ладони увлажнились. Он судорожно отёр их о штанины. Вокруг всё затихло, люди застыли, впившись глазами в стоящих впереди.

«Но ведь, моя семья? Я же их люблю, — судорожные мысли скакали в черепашке Тома, — как я могу себе позволить оставить их? А моя жизнь? Всё пропадёт?!»

Он в ступоре глядел на книгу. Том ждал Голоса, он отчаянно хотел ответов. Но тот молчал. Он обернулся на людей позади — его встретили заинтересованные, воодушевлённые взгляды. По шее пробежался неприятный холодок от взмокшего воротника рубашки.

И тут ответ пришёл. Как приходил и сотни раз до того. В ночной полутьме, за экраном монитора, под горячими каплями душа, — нужно было отпустить. Он не жертвовал своей жизнью, но передавал её дальше.

Том увидел себя со стороны, кружащегося со своими детишками на заднем дворе. Лихо пререкающимся с упрямыми клиентами в переговорной комнате, полного запала и решимости. Сок жизни брызгал из него, он упивался им — как когда-то давно.

И тут мир замер: клиенты застыли в немом возмущении, качающиеся листья декоративных пальм перестали двигаться. Только лишь Том в деловом костюме лихо крутанулся на кресле и уставился туда, откуда сам за собой наблюдал.

Выставив палец, он произнёс:

— Ничего не пропадёт, амиго.

Ничего не будет утрачено. Всё встало на места. Том решительно положил руку рядом с просушенной солнцем и испещрённой морщинами ладонью.

Словно сотни людей обхватили его голову, плечи, туловище, ноги и молниеносно, но бережно потянули назад. Дыхание сбилось, сердце бешено прыгало от полнейшей дезориентации. Откуда ни возьмись, яркий свет залил глаза, и Том закашлялся, выплёвывая воду и хватая воздух. Он корчился на деревянном полу, приходя в себя.

— Я знал, что ты не померёшь так легко, — кто-то стучал его по спине, помогая откашляться.

Вокруг донёсся гогот. Том всё так же лежал на полу, хватая воздух. Контроль над телом понемногу возвращался. Он опёрся на мачту, в голове выцветшими красками проскочили моменты жизни. Той, бесконечно далёкой. А вслед за тем неудержимый поток текущего воплощения закрутил его в бешеном водовороте. Его тряхнуло так, что Том вновь свалился на пол, неестественно скорчившись. Лоб снова уткнулся в шершавое, пропитанное солью дерево палубы. Желудок сжался, в темноте зажмуренных глаз замельтешились белесые точки.

— Эй, ты чего? — взволнованный голос прокатился над ним. За ним на лежащего опрокинулось ведро студёной морской воды.

Том широко открыл глаза. Сверху в него всматривался усеянный веснушками

человек. Его рыжая копна трепыхалась на ветру. Над ним кружили чайки, покрикивая под палящим солнцем.

— Без двух минут порт, а ты пьяный с мачты свалился. Держишь марку, Тонни. Тонни? Да, Тонни. И я правда страсть как люблю дать перед сушей. Почему? Да какая, к чёрту, разница!